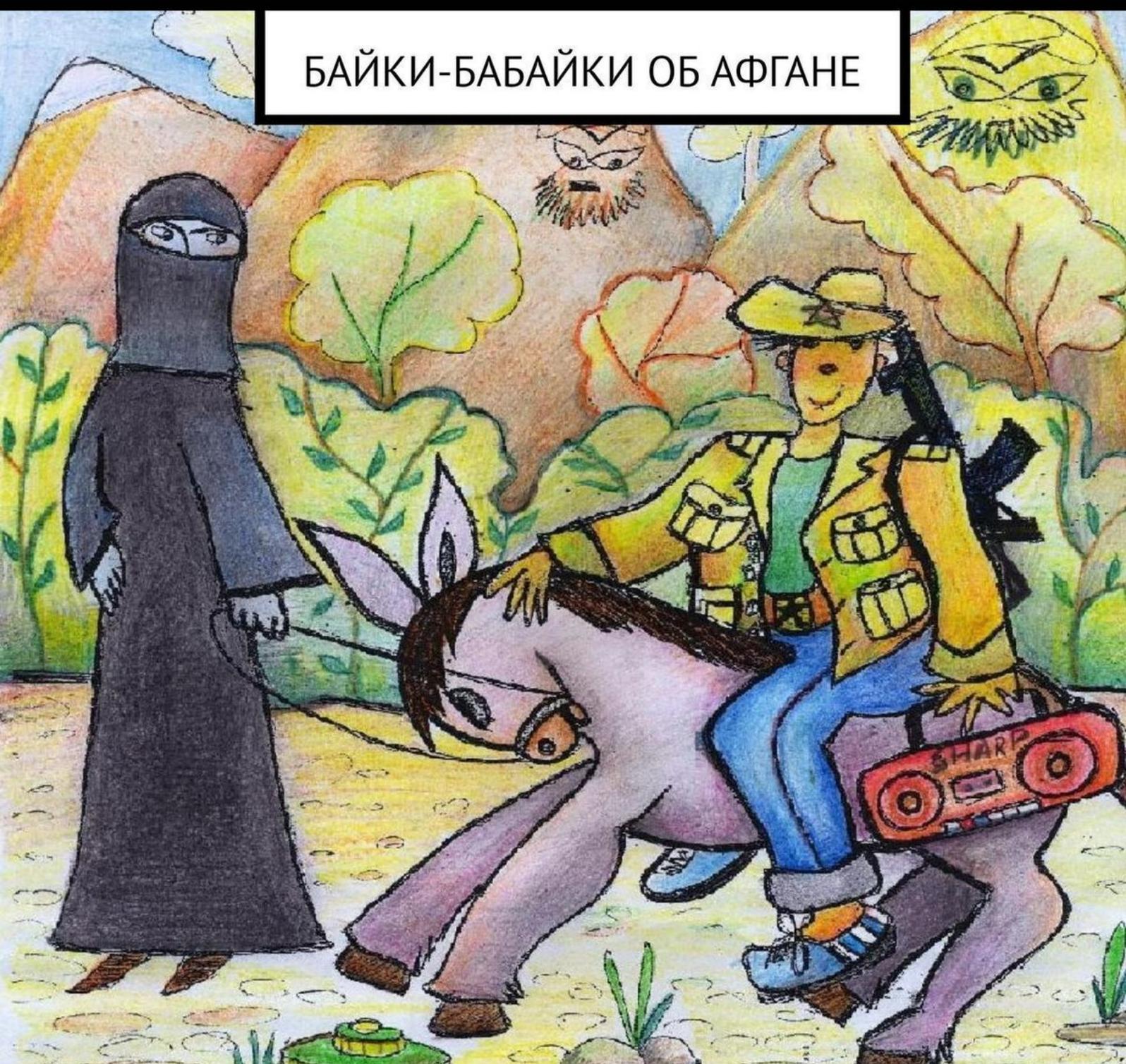

ВЛАДИМИР ДАДОНКИН

Республика Анампоху

БАЙКИ-БАБАЙКИ ОБ АФГАНЕ

Владимир Дадонкин

**Республика Анампоху.
Байки-Бабайки об Афгане**

«Издательские решения»

Дадонкин В.

Республика Анампоху. Байки-Бабайки об Афгане /
В. Дадонкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742972-0

Книга, написанная с долей юмора и множеством комических ситуаций, рассказывает о кабульских приключениях одного молодого человека, приехавшего в воюющий Афганистан по контракту. Главный его девиз — «кому война, а кому мать родна». Его цель — оторваться по полной, и ему неплохо это удается. Книгу «Республика Анампоху» читать можно с восхищением, можно с негодованием, но невозможно с равнодушием. Так же в книге собраны рассказы, стихи, написанные автором в разное время. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-742972-0

© Дадонкин В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Республика Анампоху Байки-Бабайки об Афгане

Владимир Дадонкин

© Владимир Дадонкин, 2021

ISBN 978-5-4474-2972-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

Автор. Афганистан 1985 год

«Вот козлы», – подумал я, потому что произнести вслух эту фразу я смог бы с большим трудом. Во рту, как говорится, «кот нагадил», голова – чугун, а также присутствуют все остальные симптомы так хорошо известного не только россиянам состояния. На экране телевизора полным ходом шла бомбежка Кабула. «Козлы» – это американские летчики, которые стирали с лица земли один из любимейших мною городов, с которым у меня связаны незабываемые приключения моей молодости.

Кабул – великий и многострадальный город – ты помнишь величайшего из полководцев Александра Македонского, тебя хотели поставить на колени английские колонизаторы, тебя рвали на части интриги афганских правителей Дауда и Амина. На твоём теле до сих пор видны шрамы, оставшиеся от советских войск, на тебя пытались натянуть свою черную чадру талибы, но я знаю: ты все равно выступишь и поднимешься из руин, потому что ты велик. Велик своей историей, своим народом.

Глядя в календарь телефона, я понял, что сегодня пошел уже третий день, как я начал справлять свой день рождения. Первые два я помню почти хорошо. Затем, отправив жену с детьми к теще в соседний городок, я с корешами оторвался на полную катушку.

Совершенно верно заметил мой любимый бард Владимир Семенович Высоцкий «А, где был я вчера не найду, хоть убей, только помню, что стены с обоями...» Сказать честно, никаких стен с обоями я не помню, но с удовлетворением отметил, что проснулся в своей постели, а не в каком-нибудь вытрезвителе, или районном «обезьяннике», а это значит – жизнь продолжается.

Зная, что организм отвергнет все мои дальнейшие посягательства на него, а обмануть его просто необходимо, я, кое-как натянув спортивные штаны, с трудом спустился в магазин, где и приобрел все необходимые мне ингредиенты. А именно: десять яиц, баночку томатной пасты, майонез, пять бутылок пива и бутылку водки. Вернувшись домой, я разбил в пивную кружку два яйца, положил туда же две столовые ложки томатной пасты, одну столовую ложку майонеза, вылил полбутылки пива и, добавив сто граммов водки, все это размешал и стал морально готовиться к экзекуции.

Гадость страшнейшая, однако, этим рецептом от похмелья, которому меня научил в Афгане мой кореш – прапорщик Лейкин – я пользуюсь уже много лет, и он, как не странно, помогает. В общем, еще раз взболтав весь этот эликсир, я закрыл глаза, зажал пальцами левой руки нос и несколькими большими глотками вылил это все в себя.

Главное в этой экзекуции, чтобы все это месиво не вылилось назад впервые тридцать-сорок секунд, а минут через пять – десять в вашем желудке происходит необратимый процесс, и вся гадость, накопленная за время пьянки, просится в унитаз. Кстати, процесс у всех разный, то есть все это может выйти из вас, как сверху, так и снизу. В общем, проделав все эти манипуляции, я рухнул обратно в постель, чтобы забыться на несколько часов.

Заснуть я не мог, лежал в какой – то полудреме, и мой воспаленный алкоголем мозг начали заполнять картинки прошлого, сюжеты моих афганских приключений. Расслабившись, я полностью растворился в воспоминаниях.

Глава 1

Гена, Вика и другие, видения, решено – еду.

Вся эта история началась с того, что я познакомился с Сергеей, а точнее, с капитаном Советской армии Сергеем Плаховым. В то время я работал на ТЭЦ, и учился заочно в техническом институте в столице соседней северокавказской республики. Уезжая туда на сессию, получил наказ от жены – обязательно зайти в гости к ее троюродной сестре, которая жила в том же городке.

В один из свободных от учебы вечеров, взяв бутылочку хорошего коньяка, я отправился по данному мне адресу. Подходя к двери, я услышал звуки музыки и хор нестройных голосов, пытавшихся подпевать известной певице. На мой звонок дверь открыла очень эффектная дама, лет тридцати, одетая в джинсы и джинсовую рубашку.

За ее спиной стоял высокий мужчина, с аккуратно подстриженными усиками, одетый в спортивный финский костюм. Это были троюродная сестра моей жены Вера и ее муж Сергей.

После необходимых разъяснений, касающихся моего прибытия, меня просто затащили в комнату, где я и был представлен всем присутствующим.

За столом сидели десять-двенадцать человек мужчин и женщин. Часть мужчин была в военной форме. Из дальнейших разговоров я узнал, что празднуется приезд Сергея в отпуск со службы в Афганистане, где он служил в качестве зампотеха автомобильной роты.

Мое появление было встречено, по русскому обычаю, «штрафным» стаканом водки. И уже через час мне казалось, что я всю жизнь знал этих милых людей. Надеюсь, объяснять вам уважаемый читатель, что такое русское застолье не надо: песни пляски, ну а потом все утонуло в каком-то тумане.

Утром, приоткрыв глаза, я с трудом начал вспоминать подробности вчерашнего вечера. Что-то меня смущало, и наконец, оглядев комнату, понял, что я не у себя в студенческой общаге где я остановился в период сессии и, судя по примятой рядом подушке и второму одеялу, ночь провел не один. Натянув штаны и кое – как пригладив волосы, я отправился на раздававшийся из соседней комнаты стук пишущей машинки.

В небольшой комнатке за столом сидела миловидная брюнетка лет тридцати и что-то увлеченно печатала на печатной машинке. Прежде, чем она меня заметила, мне пришлось минуты две стоять, переминаясь с ноги на ногу, что дало в полной мере оценить все ее женские прелести. Наконец, я догадался негромко кашлянуть. Она повернула ко мне голову, и я увидел ее насмешливые серые глаза.

– Ну, что, герой, проснулся? Беги в душ, а я пока кофе сделаю.

Стоя под струями теплого душа, я пытался вспомнить вчерашний вечер, но единственное, что я помнил из вчерашнего, было то, что я несколько раз танцевал с этой дамой и даже пробовал разобраться по пьяне с каким-то мужиком, который тоже хотел пригласить ее на танец, все остальное расплывалось в тумане. Как ее зовут и как здесь оказался, этого я вспомнить так и не смог.

Уже сидя за столом на кухне и попивая кофе, я лихорадочно соображал, а было ли что-то вчера ночью между нами. Пытаясь наводящими вопросами выяснить это, я поддерживал ничего не значащий разговор, старательно называя ее на «Вы». Она, словно прочитав мои мысли, улыбнулась и сказала:

– Ладно, не мучайся. Меня зову Алина, и между нами ничего не было. А привезла я тебя к себе по просьбе Веры, так как ты вчера был в таком состоянии, что не только не помнил свой адрес, но и защищая мою честь, пытался устроить побоище с мужиками – после этих слов она звонко расхохоталась

Затем она вкратце рассказала о моих вчерашних приключениях, – мне стало стыдно.

Через несколько минут раздался звонок телефона. Это звонила Вера.

– Приветик, Вера! Да, встал, кофе пьем. Как выглядит? Как Чапай. Почему, как Чапай? А у него только усы торчком торчат, в отличие от всего остального. – При этом Алина мне подмигнула.

– Да успокойся, не трогала я твоего родственника. Сейчас привезу. Собирайся, герой, – это уже мне.

Поймав такси, минут через десять мы уже были у Веры и Сергея. Алина вскоре ушла, оставив номер своего домашнего телефона. Я попытался извиниться за вчерашнее, на что Серега, хлопнув меня по плечу, сказал:

– Да ладно, мы тоже не святые. Пойдем-ка лучше за стол.

Из дальнейшего разговора с Верой я узнал, что ее подруга Алина работает корреспондентом в одной из местных газет, разведена, воспитывает дочь десяти лет, которая сейчас находится в пионерском лагере.

После вопросов о жизни, здоровье родственников, сопровождавшихся взаимными тостами, разговор плавно перешел на Афган. Что в начале 80-х мы знали об Афганистане? В небольших статьях центральных газет писалось только про то, как советские воины помогают простому афганскому народу строить развитой социализм. Обычно статьи сопровождались фотографиями солдат, сажавших вместе с афганскими пионерами деревья, или репортажами о лидере афганского народа Бабраке Кармале, который при помощи советских братьев пытался построить социализм в Афганистане. От рассказов же Сергея у меня началось легкое головокружение. Демонстрируя привезенные из Афгана заграничные шмотки которые в то время были в большом дефиците и внешторговые чеки, он рассказывал самые невероятные истории из своей афганской службы. Уже после первой бутылки водки в моей голове прочно засели такие понятия, как «дукан», «бакшиш», «духи», «бача», «чеки», «сдавать». Расспросив Серегу о его зарплате в Афгане, я охренел, за год службы он заработал на автомобиль «ВАЗ» шестой модели, одел в импортные шмотки всю семью и у него осталась еще куча денег. После этого разговора я был готов уже завтра ломануться в Афган за всем этим богатством.

Ночью, я не мог уснуть. В мечтах передо мной проплывали караваны верблюдов, груженные колониальными товарами, бородатые дуканщики в чалмах, тугие пачки внешторговых чеков, и я сам, герой, вооруженный до зубов с двумя рядами правительственных наград на кителе.

До самого утра я так и не смог заснуть. В общем – «дурак, думками богат». А так как по натуре я авантюрист, фаталист, и пофигист, мое ближайшее будущее было решено.

По прибытии в свой родной городок я отправился в районный военкомат, чтобы узнать условия контракта в Афганистан. Свою срочную службу я отслужил шесть лет назад в качестве старшины роты связи под Винницей. Принявший меня в военкомате майор, к которому я пришел, конечно, не с пустыми руками, предложил заполнить мне «объективку», а также подсказал, какие характеристики нужно собрать.

Мои земляки – жители одной из северокавказских республик на берегу Каспийского моря – предпочитали уезжать по контракту с военкоматом в страны, так называемого «Содружества» – Германию, Венгрию, Чехословакию, Польшу или, на худой конец, в Монголию. В общем, туда, где можно заработать деньги, не подвергая свою жизнь опасности, хотя попадались и такие же, как я, которым было пофигу куда ехать лишь бы заработать бабки.

Собрав все необходимые документы, я сдал это все в военкомат, и спустя несколько месяцев, получил повестку. Придя в военкомат, я подписал все документы, и получив на руки бумаги стал готовится к командировке в Афганистан.

В то время я работал на одном предприятии инженером-электриком, вернее, числился им, потому что основной моей работой была работа в партийной организации в качестве сек-

ретаря парткома. Работа была «не бей лежачего»: главное было собрать партвзносы с коммунистов и отчитаться о проведенном партсобрании, в райкоме. Как то меня попытался склонить к основной моей работе, вновь назначенный начальник цеха, в котором я числился, но, получив строгий выговор по партийной части отстал, от меня навсегда.

За то время, пока оформлялись мои документы, я переговорил со многими людьми, которые служили в Афгане. Так что ехал я туда со знанием дела.

Чемодан, который я взял напрокат у тещи, просто ломился от, как мне сказали знающие люди, нужных в Афгане товаров – три керогаза «Шмель», двадцать кипятильников, упаковка градусников, пять фенов отечественного производства, двое часов «Полет», три бутылки водки, пять блоков сигарет «ВТ» и пять бутылок крепленого вина. Все перечисленное выше должно было, согласно рассказам бывших «афганцев», помочь мне в первоначальном накоплении капитала, для развития своего бизнеса. Возможно, что эту книгу читает человек родившийся уже не в СССР и он подумает кому понадобится все это дерьмо перечисленное выше? Чтобы понять это нужно было жить в то время. Так что не торопись мой молодой читатель, ты вскоре все поймешь.

Вот, позади слезы родственников, пожелания друзей, и я поднимаюсь по трапу самолета, летящего в Ташкент. Впереди – сладкий миг неизвестности. В общем – «Жопа! – радостно взвизгнули приключения. «Приключения!» – горестно вздохнула жопа.

Глава 2

Ташкент, пересылка, путанки, таможня, Афган, Новый год.

Ташкент встретил меня хорошей солнечной погодой. Несмотря на то, что был конец декабря, температура воздуха была «плюс десять». Поймав такси, я отправился в Штаб округа, откуда меня отфутболили на ташкентскую пересылку. Так называлось место, где размещались перед отправкой в Афган офицеры, прапорщики, и контрактники. Приехав в часть, я напрямик отправился к коменданту. Посмотрев мои документы тот поставил на них штамп «Вылет разрешен» и сказал, что завтра в пять часов утра от ворот пересылки отъезжают автобусы на военный аэропорт «Тузель», с которого самолет полетит на Кабул. Подъем для всех в четыре часа утра. Затем он направил меня в санчасть, где мне в задницу вкатили два болючих укола, которые по идее должны были уберечь меня на первое время, от различных инфекционных заболеваний. Узнав у фельдшера, где находится казарма, я напрямик отправился туда. На вопрос дневальному:

– Где расселяться?

Он махнул рукой:

– Занимай любую свободную кровать.

В комнате, которую я выбрал для ночевки, было пять кроватей. За столом сидели три пьяных прапора и играли в карты на спички, при этом шумно матерясь. У окна на кровати лежал парень лет двадцати пяти и тупо глазел в потолок. При моем появлении прапора на секунду оторвались от игры, окинули меня своими мутными глазами и продолжили игру.

– Здорово мужики! – поздоровался я со всеми.

Прапора не удосужили меня даже взглядом, лишь один пробурчал себе под нос «Здоровее видали!»

Парень, лежавший на кровати, кивнул на стоявшую рядом:

– Занимай, свободно. Закурить есть? Ну, тогда пойдем, покурим.

Присев в курилке, мы закурили, и он, поведал мне, что так – же, как и я, летит в Афган, по контракту. Но вчерашний вылет он просрал, и теперь у него в проездных документах стоит штамп «Уклонение от полетов». Его звали Олег, он был родом из Ейска.

– Слушай, Ленчик, что нам тут сидеть. Ты раньше был в Ташкенте? Нет? Так поехали, я тебе город покажу.

Мы прошли через КПП и сели в такси, которые дежурили возле части, зная, что клиенты у них обязательно будут.

– Ну что, шеф, давай, прокати нас по городу, а потом на Алайский рынок.

Стоял конец декабря, и по городу носились в предпраздничной суете жители этого хлебосольного города. А то, что Ташкент хлебосольный, сомнений не было. На каждом углу стояли киоски, в которых торговали всевозможными пирожками и сладостями, горячими лепешками. Ноздри щекотал запах жарящихся на мангалах шашлыков из баранины и кур. Всевозможные кафешки и чайханы манили своими ценами. Например, тарелка лагмана стоила 20—25 копеек, порция мантов – 40—50 копеек, а если удавалось съесть это все вместе, места в желудке, как раз, оставалось для пиалки зеленого чая. В общем на рубль можно было наесться вдоволь и еще выпить стаканчик вина.

На первом месте везде стоял культ рубля. В то время – время дефицита – имея деньги, ты мог заполучить в Ташкенте, что хочешь, будь то лучший номер в гостинице, без очереди билет на самолет, или лично для тебя могли организовать индивидуальный обед где-нибудь в тенистом саду на берегу реки. В отличии от многих советских городов в Ташкенте это было все намного проще, как бы само собой разумеющимся.

Наконец, накатавшись по городу и насладившись видами Ташкента мы сошли у ворот Алайского рынка. Я родился и вырос на Кавказе, но обилие овощей и фруктов в это время года меня просто поразило, а ведь это был декабрь. Огромные дыни, арбузы, горы сушеного инжира, изюма, мушмулы, вязанки винограда, и среди этого изобилия – томящиеся на огне огромные казаны с янтарным от бараньего жира пловом. Призывные крики торговцев просящие что-нибудь купить, или просто попробовать, запахи различных пряностей, все это моментально возбудило в нас зверский аппетит. Мы приземлились в одной чайхане на рынке, где Олежка уже на правах аборигена, заказал плов, салат из свежих огурцов и помидоров, бутылку минералки и чайник водки. Да, именно чайник, потому что спиртное в чайханах открыто продавать было запрещено, и его переливали из бутылок в чайники.

Олежка призывно поднял наполненную пиалу.

– Давай, братан, за встречу!

И мы с ним выпили по первой пиале.

– У нас, на Кубани, жить тоже не хило, но тут благодать божья, – сказал Олежка, похрустывая свежим огурчиком.

Пообедав в чайхане, захватив бутылку водки мы еще немного поболтались по городу и поехали на пересылку.

В казарме дым стоял коромыслом, гремели стаканы, звучали афганские истории, песни под гитару, мат. В общем, все это можно было назвать одним словом – мужской бардак. В нашей комнате на кровати валялся в зюю пьяный прапорюга с красной мордой, который сам уже подняться не мог, и не открывая глаз, периодически орал: «Стоять, суки, бакшиш давай!» Другие двое прапоров куда-то подевались.

Выпив еще граммов по сто, нас, впрочем, как всех нормальных мужиков, оказавшихся вне дома, потянуло на приключения.

– Может, прошвырнемся куда-нибудь где веселее? – предложил я Олежке.

– У тебя бабки остались? – в свою очередь спросил он.

– Есть. Около двухсот рублей.

– Тогда слушай. Тебе они в Афгане на хрен не нужны, там все равно советские бабки не котируются. А мы им и здесь найдем применение. Ты думаешь, почему я вчера свой рейс пропустил? Гульнул я маленько. А как ты насчет того, чтобы вдуть кому-нибудь? Нормально? Тогда пойдем.

Мы вышли из КПП, было уже часов десять вечера, но пять-шесть частных такси все равно дежурили у ворот. Олежка подошел к одному таксисту и стал о чем-то с ним говорить. Потом помаhal мне рукой:

– Садись, поехали!

– Куда? – спросил я.

– Узнаешь. Да не ссы ты, все будет нормально.

По дороге мы остановились у одного частного дома.

Таксист спросил:

– Водку и закуску брать будете? Тогда давайте двадцать рублей.

Через несколько минут он вернулся с пакетом, в котором было что-то завернуто. Для тех, кто не помнит или не знает, напоминаю, что бутылка водки в середине 80-х годов стоила 3 руб. 62 коп – «Московская» и 4 руб. 12коп. – «Столичная», встречалась так – же 4 руб. 60 коп. «Пшеничная» и очень редко «Посольская», самой дешевой была водка в простонародье называемая «Андроповская», вот практически и весь выбор эпохи развитого социализма. Конечно, выпускались и другие виды водок, но простым работягам, они были недоступны.

Подъехав к панельной «хрущевке» таксист вместе с нами поднялся на второй этаж, открыл дверь, зажег в прихожей свет и сказал:

– Располагайтесь, ужинайте. Я буду минут через двадцать, бабки сразу. За все – 100 рублей.

– Доставай, бабки – сказал Олежка.

Пока мы ехали, я все пытался расспросить Олега, куда и зачем мы едем, на что он только многозначительно мне подмигивал: «сюрприз», скоро узнаешь. Квартира, в которую мы приехали, была обычная однокомнатная «хрущевка» с небольшой кухонькой. Мы расположились на кухне за небольшим столиком и развернули пакет таксиста. В нем оказались бутылка водки, вареная курица, соленый сыр, несколько свежих огурцов, помидоров, бутылка минеральной воды и две домашние лепешки.

Достав из ящика стола две рюмки, мы выпили по первой.

– Ну, ладно, колись, что это за хижина дяди Тома? – спросил я Олежку.

И он мне рассказал, что почти у каждого таксиста есть две-три проститутки, которые отстегивают ему долю. Квартиру таксист снимает сам. За ночь с клиента, а это в основном контингент «ташкентской пересылки», проститутки обычно берут пятьдесят-шестьдесят рублей, таксист имеет свою долю. Утром, в полчетвертого, он заезжает, забирает клиентов и отвозит их назад на пересылку, чтобы те успели прибыть к самолету летящему в Афган.

Олежка вчера был здесь с одной телкой, но так нажрался, что ни таксист, ни телка не смогли его поднять, и он проспал до восьми часов утра, пока его, наконец, смог разбудить подъехавший вновь таксист. Рейс в Афган он пропустил, за что и получил у коменданта в проездных документах штамп «Уклонение от полетов». В общем Бог, создавая мужчину, дал ему мозг и член, а потом сделал в члене дырку чтобы мозг не задохнулся.

Народ на пересылке был на треть точно такой же как и мы с Олежкой, так что работы ташкентским путанкам хватало.

Не успели мы выпить по второй, как дверь приоткрылась, и вошел наш таксист, с двумя девушками.

– Ладно, отдыхайте, – сказал он. – Я заеду в полчетвертого, только не набухайся опять, – это он уже Олегу.

– Милости прошу к нашему шалашу, – игриво начал Олежка. Вот и опять свиделись, Любочка. Познакомь нас со своей подружкой.

На вид обеим девушкам было лет по двадцать. Первая, Люба, – вчерашняя спутница Олега – была небольшого роста, крепко сбитая с зелеными глазами и короткой стрижкой. В отличие от Любы вторая девушка, которую звали Анжела, была высокого роста с прелестной фигуркой и большими чуть раскосыми глазами. В ней явно угадывалась гремучая смесь народов Востока.

– Ну что, по маленькой и в люлю? А, девчонки?

Девочки пить отказались и после душа пошли в комнату.

– Мы сейчас, девчонки.

У Ленчика глаза горели как у мартовского кота в предвкушении соития.

– Слушай, Ленчик, я беру Анжелу, потому что вчера с Любочкой был, а потом поменяемся.

– Да мне все равно, а что в одной комнате трахаться будем?

– Ты че, девственник что ли? Пойдем, будет весело, мы еще групповушку сообразим. «Как увижу Маринку сердце бьется об ширинку», все, больше сил нет ждать, я побежал.

– Ладно, ты Олежка иди, а я пока – в душ.

Через некоторое время я вышел из душа и зашел в комнату, не зная с чего начать. При свете фонаря, проникавшего в комнату из-за занавесок, я увидел стоявшие в разных углах полутороспальные кровати. На одной из них уже ползал по Анжеле Олежка, а на другой лежала накрытая одеялом Люба.

– Иди сюда, не бойся, – тихо сказала она.

Я подошел к ней и, быстро раздевшись, нырнул под одеяло. Любочка тут же прижалась ко мне, ее уверенные руки начали гладить мой уже и без того напряженный член. Покрывая нежными поцелуями мое тело, она спускалась все ниже и ниже. Внезапно она встала на колени, повернувшись ко мне лицом, села на меня и с искусством заправской всадницы стала скакать на мне, тихо постанывая. Я повернул голову и увидел силуэт Олега, который, урчал от удовольствия и, хлопая Анжелу по попке в такт своим телодвижениям, все глубже вонзал в нее свой стержень.

После первого подхода, мы пошли с Олежкой на кухню покурить, а девчонки пошли в душ.

– Ну что, меняемся или еще разочек? – предложил Олег.

– Меняемся.

Покулив, мы вошли в комнату, где уже лежали девчонки, и я направился к кровати Анжелы. Утолив первую страсть с Любочкой, я уже не спешил. Поэтому взяв в рот ее сосок, стал медленно его облизывать нежно покусывая, затем наступила очередь второго соска.

Тяжелое прерывистое дыхание Анжелы перешло в стоны, тело ее выгибалось от наслаждения. Я развернул ее и резко вошел в нее на всю глубину. Стоны Анжелы стали заметно громче. В унисон ей на соседней кровати стонала Любочка, которую со всей пролетарской ненавистью драл Олежка.

После второго перекура оставалось еще минут сорок до приезда таксиста, и мы решили устроить групповушку. Этими подробностями я вас загружать не буду, скажу только, что все было замечательно.

В полчетвертого за нами прибыл таксист. Поцеловав нас в щечку и пожелав вернуться живыми, девчонки пошли отсыпаться, а мы, добив бутылку водяры и, наскоро закусив, поехали на пересылку.

Уже через год в Афгане я случайно узнал, что судьбы обеих девчонок закончились трагически. Той же зимой Любочка угорела вместе с каким-то мужиком в гараже, в машине, а Анжелу через полгода зарезал, обкурившись опия какой-то афганский нарकोша. Но, несмотря на эти проблемы, сотни ташкентских девчонок обслуживали пересылку все девять лет, пока наши войска стояли в Афганистане.

Итак, прибыв на пересылку, мы взяли свои чемоданы, сели в автобусы, пришедшие за нами, которые и доставили нас на военный аэродром «Тузель». Пока мы заполняли декларации, скорешевались еще с двумя такими же, как и мы, разгильдяями. Ну, на старых дрожжах нас и понесло. Когда мы подходили к таможене, а мы подходили почти последние, Олежка был, уже, как говорят в народе «в гавно» и еле ворочал языком. На вопрос таможенника:

– Везете ли вы валюту, оружие, наркотики?

Олег, подняв на него пьянящие глаза, изрек:

– Да бля, везу атомную бомбу, кину с самолета и мандец Афгану.

Таможенник был калач тертый, тем более, что он свой план по шмону на сегодня выполнил, мы были последними, а базарить с нами было бесполезно, он вздохнул, глядя на наши пьяные рожи и, поставив печати, сказал:

– Ладно, идите, уж, защитнички хреновы.

Паспортный контроль мы тоже миновали быстро. Это только возвращаясь назад, ты для таможенников и пограничников «враг народа», а когда едешь в Афган, ты для них, как, впрочем, и для своей страны ты пушечное мясо. В общем, таможня и погранцы работали по системе нипсель «туда дуй, а оттуда х..!»

В накопителе аэродрома, пока мы ждали самолет, я достал из чемодана бутылку водки, и мы отхлебнули по пару глотков. Короче, в самолет, мы уже шли на автопилоте, держась друг за друга.

Самолет, который должен был доставить нас в Афган, был грузовой «АН-24». Наконец, он оторвался от земли и поднялся в воздух. Грузовой отсек самолета был полон, сидели, кто, где попало. Мы с Олежкой привалились друг к другу спинами и закимарили.

Примерно через час я проснулся от холода. Самолет был разгерметезирован, стоял жуткий холод, и остро чувствовалась нехватка кислорода. Многие дышали по очереди прикладывая к лицу кислородные маски, только компания вертолетчиков, расположившихся недалеко от нас, несмотря ни на что, продолжала бухать и вспоминать свои афганские вылеты.

За стеклом иллюминатора величаво возвышались вершины Гиндукуша как огромные клыки торчащие из пены облаков. Иногда сквозь разрывы облаков на земле виднелись какие-то строения и неровные квадраты полей.

Наконец, примерно через полтора часа самолет, почти падая, пошел на посадку. Я приник к иллюминатору, внизу раскинулся в обрамлении гор желто – оранжевый город, – город, в котором мне предстояло провести два незабываемых веселых и бесшабашных года моей жизни.

Внезапно самолет затрясло, он резко пошел вниз и раздались какие-то хлопки. Я глянул в иллюминатор и обомлел – в воздухе летали взрываясь какие-то огненные шары. Олежка бледный, как мел, глядя на меня, сказал:

– Киздец котенку, больше срать не будет! Вот и долетались мы с тобой Ленчик, хорошо хоть перед смертью с телками трахнуть успели.

В такой же панике оказались все летевшие в Афган в первый раз. Сидевшие рядом вертолетчики продолжали бухать, несмотря ни на что, и откровенно ржали над нами.

Оказалось, что наш самолет просто отстреливал при посадке термитные шашки, которые отвлекают на себя возможно пущенные с земли ракеты «земля-воздух».

Как известно, мастерство советских пилотов не пропьешь, и команда нашего самолета ювелирно посадила его на Кабульский аэродром. Кабульский аэродром окружали горы и была реальная опасность того, что самолет могли сбить ракетой «земля-воздух». Поэтому посадка на аэродром была почти вертикальной, было такое ощущение что тебя отрывает от скамейки и ты сейчас начнешь парить по самолету, ощущения непередаваемые.

Пройдя регистрацию в комендатуре и сдав документы, мы поселились в казарме кабульской пересылки находящийся возле аэродрома. В Кабуле, в отличие от ташкентской пересылки, выход из нее был строго запрещен. До Нового года оставалось всего два дня, и я надеялся, что встречу его в части в которую меня распределят. Кроме офицеров и прапорщиков, летевших с нами конкретно на замену в свои части, никто из нас, контрактников, не знал, куда он попадет и где будет служить. В конце дня нам объявили, что до третьего января включительно Кабул будет закрыт и все вновь прибывшие проведут эти дни на пересылке.

На следующее утро в Кабуле выпал снег, и температура упала до десяти градусов мороза. Такого холода здесь не было давно. В казарме не топили, и, чтобы хоть как-то нас согреть, нам выдали дополнительные одеяла и по две солдатских шинели. Целыми днями мы бухали самогон выменянный у местных прапоров на сигареты привезенные с Союза, и валялись на кроватях под шинелями. Конденсат от пара из наших ртов скапливался на потолке и капельками падал вниз. Настроение было подавленным. В общем, вечер 31-го декабря мы встречали с сильного будуна, продрогшими и злыми.

Мы с Олежкой поменяли последний блок сигарет «БТ» на бутылку самогона у какого-то местного прапора и приготовились встречать Новый год.

Примерно за час до Нового года у меня кончились спички, и я залез в свой чемодан, где лежало несколько коробок. Тут мое внимание привлек прямоугольный пакет, завернутый в плотную бумагу. Чемодан я паковал сам и помню, что такого предмета у меня вроде бы не было. Развернув его, я чуть не подпрыгнул от радости. Вспомнил! Когда я паковал чемодан, мой отец передал мне этот пакет и сказал: «Откроешь на Новый год». Это был коньяк в плотной

картонной упаковке, «Нарын – Кала» – фирменный коньяк нашей республики. Он назван так по имени древней крепости – Дербент. Папа, ты даже не представляешь, какой это был для меня подарок на Новый год.

Ровно в двенадцать часов небо над Кабулом озарилось салютом. Тысячи сигнальных ракет взлетели в воздух, выстрелы из всех видов оружия слились в один. Ночное небо насквозь пронизали огненные трассеры сходящиеся и расходящиеся на расцвеченном сигнальными ракетами небе, это было обалденное зрелище. Мы с Олежкой, упакованные сверху несколькими шинелями, сидели на улице и маленькими глоточками отхлебывали по очереди коньяк прямо из горлышка. Несмотря на мороз, нам не было холодно, нас согревал этот божественный напиток, вобравший в себя все солнце моей «малой Родины». Так прошла встреча моего первого Нового года в Афгане.

Наконец, утром третьего января нас собрали и выдали предписания в части. Олежка попал в Кандагар, а меня направили в кабульскую КЭЧ (квартирно-эксплуатационную часть). Я-то раскатал губу, думал, буду работать где-нибудь в политотделе как бывший партработник. Однако, здесь всем было на это насрать, и я был направлен в КЭЧ.

Проводив Олежку на аэродром, откуда он улетал в Кандагар, я пошел искать попутку, чтобы добраться до штаба армии, где и находилась КЭЧ. Эх, друг Олежка, не знаю, как сложилась твоя судьба дальше, но я благодарен тебе за те проведенные вместе дни и за наши совместные приключения.

Глава 3

КЭЧ, солжара, Индюк, первое знакомство с Кабулом.

Машина, на которой я ехал в Штаб армии, была ГАЗ-66, и, сидя в кузове, я наблюдал пролетающую мимо меня жизнь Кабула. ГАЗон пронесся мимо бородатых закутанных в платки людей в чалмах и непривычной одежде, мелькали небольшие дуكانчики, торгующие всякой мелочевкой, дровяные базары, где дровами торгуют на вес, разноцветные машины разных поколений и запахи, запахи, запахи чего-то пряного, неизвестного, запахи Востока. Многие из кабульцев не обращали внимание на мчащийся по дороге военный автомобиль, но некоторые бородатые мужчины останавливаясь сурово смотрели нам вслед. Казалось, что вот сейчас он вытащит из под одежды автомат и выпустит очередь нам в спину. Вот тут я наконец понял, что я нахожусь в чужой стране и это уже не игра.

Прибыв в штаб армии, миновав КПП, я отправился искать КЭЧ. Слева возвышался дворец Амина стоящий на террасах, вокруг него был фруктовый сад. Забегая вперед, скажу, что согласно легенде, передающейся из уст в уста, при взятии дворца Амина наши бойцы прихватили там немало золотишка и зарыли в саду, окружающем дворец. Веря этой легенде, некоторые золотоискатели, как кроты, перерыли немало кубометров земли возле дворца.

Сдав документы начальнику КЭЧ, я присел в приемной, дожидаясь своей участи. Примерно через час он позвал меня и объявил, что я направлен в полк, который находился всего в нескольких километрах от штаба армии, и что меня вскоре заберет какая-нибудь попутная машина, возвращающаяся в полк.

Оставив чемодан в КЭЧи, я пошел шляться по территории части, где располагался штаб армии. Кроме офицерских и солдатских модулей, там стояло несколько коттеджей для высшего руководства армии. По территории штаба армии туда-сюда шныряли молоденькие симпатичные женщины. Конечно, не удержался и зашел поглазеть в военторговый магазин. Все товары здесь продавались за «чеки». Такое обилие зарубежных товаров в Союзе можно было увидеть только во внешнеторговых магазинах «Березка». Но, так как «чеков» у меня не было, я, чтобы не расстраиваться, побрел дальше. Для тех, кто не знает, что такое «внешнеторговые чеки» объясняю: это были бумажки которые заменяли советские рубли, правда, на них, в отличие от рублей, в то время в специальных магазинах можно было купить различные зарубежные шмотки и электронную аппаратуру, то есть того, чего нельзя было купить в то время в Союзе в свободной продаже.

Примерно через три часа, за мной заехали два контрактника на машине с подъемным краном, они оба были с Украины. Одного звали Валек, другого Гена. Валек закинул мой чемодан в будку управления краном, а я сел вместе с ними в кабину, где мы и познакомились. Они оба были уже навеселе и, достав бутылку самогона, налили мне стаканчик, который я с большим удовольствием осушил.

– Слышь, Ленчик, мы сейчас заедем по делам на полчаса, а потом – в часть, – сказал Валек.

Машина, выехав из КПП, двинулась по дороге и вдруг резко свернув, направилась в сторону расположенных неподалеку глинобитных окраин Кабула. Заметив, что я кручу головой, пытаюсь понять, куда мы едем, Валек успокоил меня:

– Все нормально.

Подъехав к небольшому дукану торгующему фруктами и всякой мелочевкой, мы вышли из машины. Тут же к нам подбежали маленькие пацаны, которые, к моему удивлению очень чисто разговаривали по-русски:

– Командор, заходи, купи что-нибудь!

Из дукана вышел пожилой афганец, поздоровался с нами за руку и что-то сказал пацанам. Те быстро вскарабкались на кузов крана и начали откручивать проволоку, которой была привязана 200-литровая бочка.

Отсчитав Вальку деньги, афганец попрощался с нами и пошел вслед за пацанами, которые с ловкостью обезьян закатили эту бочку в ворота дома. Так, еще не попав в часть, я в первый раз столкнулся с таким понятием, как «сдача». Только что на моих глазах два кореша с Украины заработали приличные деньги, «сдав» (продав) бочку солярки.

Предупредив меня, чтобы не болтал лишнего, Витек по дороге рассказал мне о части, в которой мне придется служить. Это был пехотный полк, расквартированный на окраине Кабула. Полк практически, не вылезал из боевых операций. Так-же одной из его задач был контроль за несколькими важными дорогами в сторону Баграма и Джелалабада, то есть, проще говоря – служба на блокпостах.

Поселили меня в модуле, где жили такие же, как и я контрактники. В комнату, где было пять кроватей, впихнули еще одну, и я начал знакомиться с народом. В моей комнате жили: Валек, кличка которого была «Шо», потому что в ответ на любой заданный ему вопрос он всегда переспрашивал: «Шо?», Петрович или «Дедушка» – мужик лет сорока трех, Санек и Борик, земляки из Куйбышева, и Гриша из Ленинграда. О них и о других моих друзьях я расскажу дальше подробнее.

Я извинился, что не могу выставить мужикам бутылку и обмыть мой приезд, так как все выпили на пересылке, на что Санек изрек: «Херня война, главное – маневры!» и достал из тумбочки бутылку «Столичной». «Дед» пить отказался, и мы ее приговорили. Мужики оказались компанейскими, они вкратце рассказали мне о порядке в полку, как и на чем народ делает деньги.

Раздался стук в дверь, и вошел какой-то летеха уже изрядно навеселе.

– Есть? – спросил он.

На что Борик утвердительно кивнул:

– Сколько?

– Две.

– Восемьдесят.

Борик покопался в тумбочке и передал летехе пластиковый пакет, тот отсчитал ему бабки. Суть операции, непонятной мне поначалу, была проста. Летеха пришел за водкой, и Ленчик продал ему две бутылки по сорок чеков каждую. Купил же он их в Кабуле по двадцать чеков. В результате навар – стопроцентный. То есть за вечер он заработал сорок чеков, или восемьдесят рублей, что равнялось месячной зарплате медсестры в Советском Союзе. Вот и вся арифметика. Мне это тут же популярно объяснили и я понял, что попал туда, куда надо и если буду крутиться то уеду отсюда достаточно обеспеченным. «Если конечно не грохнут» – добавил Борик.

Водки в Кабуле было навалом. Не знаю, по какой линии и кто ее туда ввозил, но она продавалась почти во всех дуканах. В части же в магазине спиртные напитки не продавались и вообще там как бы был «сухой закон», хотя в полку все пили, как кони на водопое. Некоторые контрактники на свой страх и риск пробирались в Кабул и закупали столько водяры, сколько могли донести и различными путями проносили ее в часть. Так как продажа водки устраивала и продавцов и покупателей то этот бизнес расцветал на глазах. Продажа водки в полку каралась, но, несмотря на это в любом кубрике, где жили контрактники, в любое время дня и ночи можно было купить водку по двойной цене. Это был один из способов заработать в Афгане большие бабки. А способов было великое множество, и о многих из них я расскажу чуть позже. Продавать водяру мне как-то было не с руки, и я решил осмотреться, чтобы начать свой небольшой бизнес.

Утром я пошел знакомиться к своему непосредственному начальнику, заместителю полка по тылу подполковнику Оберемченко Василию Григорьевичу. Василий Григорьевич был очень полный человек, типичный солдафон с замашками украинского панчука. Любил поорать, поматериться, покуражиться, но был человек был душевный особенно по пьяни. Из него просто бил фонтан армейского остроумия.

– Солдат, берите лом и подметите плац! Мне не надо, шоб було чисто, мне надо, шоб вы зае..лись!

– Если вы гражданские такие умные, то почему строим не ходите?

Или, например

– Рядовой, вы, что два плюс два умножить не в состоянии?

– Голодный солдат в бою не обосрется.

Про таких, как он, в армии говорят просто: «Наш полковник не любит шоколада: у него фольга в зубах застревает.»

С ним и с другими не менее колоритными персонажами нашего полка мы еще познакомимся на страницах этой книги.

Василий Григорьевич, определил меня на службу выдав короткий инструктаж, избыливающий прелестной ненормативной лексикой и отправил служить начальником смены на дизельную станцию.

Наш полк находился на окраинах Кабула, прямо под горой Курук, и его частенько обстреливали «духи» из РСов (реактивных снарядов), или из минометов, обычно в ночное время. Поэтому ночные дежурства были самыми неприятными.

Зашел солдат и сказал, чтобы я шел на собеседование к особисту полка майору Индюкову. Все, сидящие в кубрике, заулыбались.

– А что смешного? – спросил я.

– Иди, увидишь сам.

Постучавшись в кабинет я услышал тоненький голосок:

– Войдите.

За столом сидел какой-то зачуханный, кургузый мужичок с погонами майора на плечах, над столом висел засиженный мухами лист ватмана с надписью «У чекиста должна быть холодная голова и горячее сердце», которую наши контрактники перефразировали «У особиста Индюкова должна быть холодная голова и холодные ноги в белых тапочках».

– Значит, приехали исполнять интернациональный долг? – С народом уже познакомились? – и, не давая мне вставить слово, выпалил:

– Если что, буду карать по всей строгости советских законов. Понятно?

– А что ж не понять. Очень лаконично объяснили, товарищ майор, вы прямо Сенека какой-то.

– А вы, как я посмотрю грамотный очень. Я вам вот что скажу: голова у солдата чтобы думать, мозги, чтобы соображать, а язык не для болтовни, а для работы, понятно? Вот идите и работайте.

По пути в модуль я все пытался расшифровать последнюю фразу Индюка, но так и не смог.

Придя к себе в кубрик, я увидел все те же улыбающиеся рожи моих новых друзей:

– Ну, как?

– Да урод какой-то.

– Это не просто урод, это феноменальный дебил! В чем ты скоро убедишься, – сказал мне Санек.

Майор Индюков люто ненавидел контрактников, и они отвечали ему взаимностью, хотя среди них у него была пара стукачей. Вместе с зампотылом Оберемченко Индюков периодически устраивал шмоны в модуле, изымал водку, которую мужики не успевали спрятать, тро-

фейное оружие. В каждом кубрике был свой тайный схрон, где хранились вещи, не предназначенные для глаз командования.

Индюк устраивал засады в тех местах, откуда в полк заносилась водка, часами просиживал с биноклем, стараясь засечь, кто и что вывозит из расположения полка. Худой, с тонюсеньким голоском, но огромным гонором, он полностью соответствовал своей фамилии. Визит к Индюку я воспринял спокойно, из своего опыта я знал, что не стоит принимать близко к сердцу то, что можно послать в жопу.

Кроме торговли водкой, в полку был еще один распространенный вид дохода, которым пользовались все без исключения, контрактники, офицеры и солдаты. В полковом магазине покупались ящиками конфеты, печенье, шоколад, сигареты – в общем, практически все, что там было. И это потом сдавалось в Кабуле в любом дукане. Например, пачка сигарет «Ява» стоила 30 копеек, а сдавалась за 60 копеек, или по номиналу за афгани. Не зарабатывал в Афгане только ленивый. Купить на сто чеков товара, и перепродать их завтра за 200 ума хватало и дураку. Командование армии всячески запрещало этот «бизнес» однако он процветал. В общем купил за рубль, продал за два.

По Афгану «чеки» ходили наравне с афганями. Курс одного чека равнялся примерно 20—30 афганям и постоянно плавал, так что грамотные люди наваривались и на обмене. Афганскую валюту наши ласково называли «афощками». Примечательно, что в то время по Афгану ходило несколько видов денег выпущенных в разные годы различными правителями, тем не менее, они все котировались одинаково, по номиналу.

Весь этот бизнес в полку, конечно, пресекался. Был строгий приказ: больше трех единиц товара каждого наименования из магазина в одни руки не отпускать. Однако нам хватало и этого. Затариваешь за пару дней в магазине товара чеков на сто, а это сумка килограммов на двадцать, тащишь ее в ближайший дукан где, имеешь чистые 100 чеков наvara.

Для тех, кто не застал то веселое время или подзабыл его, напоминаю, что за чек на «черном рынке» в Союзе давали два рубля. Следовательно, в день можно было заработать 200 рублей, что являлось ежемесячным окладом среднестатистического инженера. Но это только теоретически, а практически нужно было пройти несколько километров по предгорьям, минуя основную дорогу, на которой тебя мог прихватить советский патруль, при этом не наступить на противопехотную мину и не попасть под обстрел, или в плен к каким ни будь местным «духам», затем сесть на такси, поехать в Кабул, где сдать этот товар. Потом так же вернуться в полк, чтоб тебя не поймали, ни «духи» ни наш патруль. Летом при жаре +45 в тени, а зимой по колено в грязи с налипшими на сапоги пудовыми кусками глины. Хотя в во всех полках был еще один вариант – легальный.

Примерно раз в две недели можно было взять увольнение и вместе с полковой патрульной машиной прибыть в комендатуру Кабула, где комендант выдавал разрешение на посещение конкретного района, так называемого «советского района», где стояли хрущевские пятиэтажки выстроенные советскими строителями там жили наши советники служившие в афганских частях, специалисты, работающие на афганских предприятиях и лояльные правительству афганцы. Вся территория района контролировалось нашими патрулями. Цены на все продаваемые товары там были на порядок выше, поэтому мы туда не ездили.

Разрешения выдавались или командованием полка, или Индюковым, а в связи с нашим «хорошим» поведением официальное посещение Кабула нам не грозило.

Из пятидесяти контрактников в нашем полку различным мелким бизнесом занимались меньше половины, и то многие от случая к случаю. Кто-то умудрялся продавать бензин, или трофейное оружие, но это был уже криминал, а с криминалом связываться мне не хотелось.

Мотаясь по Кабулу, нами обычно выбирались те районы, куда не заезжают наши патрули, а там можно было запросто получить нож в спину, или через пару суток оказаться в плену в Пакистане.

Частенько на улицах Кабула гремели взрывы, «духи» обычно устраивали теракты в самых людных местах города. Так что, у кого очко не держало, сидел себе в полку на свою зарплату и не высовывал оттуда носа. Ежемесячно каждый из нас получал 230 чеков на руки и плюс три оклада рублями на сберкнижку, получалось около 800 рублей в месяц, деньги для Союза тогда немалые. Кормежка в полку бесплатная, так что многие ни чего не делая могли за два года заработать примерно тысяч восемнадцать, а это уже были огромные деньги. Те же кто хотел большего крутились как могли.

Несколько дней подряд, я доставал пацанов, когда пойдем мой товар «сдавать»? Как вы помните, я привез из Союза кучу вещей, которые нужно было продать и начать свой бизнес. И вот однажды вечером Санек сказал:

– Завтра рано утром идем я, ты и Борик. Собирай сумку.

Рано утром мы, нырнув под колючку, минуя посты, и минные поля, мы быстрым шагом двинулись параллельно дороге, идущей из полка в штаб армии, укрываясь за небольшими холмами, и пройдя примерно два километра, остановились. Предстояло пересечь открытый участок между кишлаком и КПП штаба армии, чтобы добраться до ближайшего такси, которые с утра дежурили на дороге Дар-Уль – Амман или, как мы просто ее называли, Дарламан. Она упиралась как раз в бывший Шахский дворец. В такое раннее время обычно из частей отправлялись по одной – две машины в комендатуру для патрулирования Кабула и нужно было проскочить 500—600 метров, чтобы не попасться на глаза патрулю.

– Вперед! Под ноги смотри! – наконец-то, скомандовал Санек.

И мы почти бегом двинулись по дороге. Я бежал с тяжелой сумкой не отрывая взгляда от земли перепрыгивая каждый бугорок, мне казалось, что я бегу по минному полю и сейчас меня разорвет на куски. Мне потом много раз приходилось преодолевать этот участок, но больше такого яркого ощущения не было. Все превратилось в привычку, страха не было, тогда мне это все казалось какой-то детской игрой типа «Зарницы».

Проскочив благополучно, мы подошли к такси, которых, несмотря на такой ранний час, стояло примерно с десяток, и, поторговавшись, рванули в Спинзар (район Кабула).

После Афгана мне приходилось бывать во многих странах, но афганские таксисты – это нечто! Во-первых, прежде чем сесть в такси, нужно обязательно поторговаться, иначе при высадке они сдерут с вас на полную катушку. Во – вторых, насколько я помню, в Кабуле был всего один светофор, да и тот не работал, поэтому пересечение перекрестков напоминало «танковое сражение под Прохоровкой».

По дорогам двигались торговцы, толкавшие вручную свои тележки груженные товаром, мототакси, ослики с огромными тюками, велосипедисты. Правил дорожного движения там просто не существовало. Обгоняя друг друга то справа, то слева, при этом высунувшись в окно по пояс и оружие друг на друга, таксисты еще умудрялись поддерживать разговор с клиентом. Что же касается их автомобилей то это были какие-то монстры, собранные из запчастей и подручных материалов, иногда ездившие без капота, багажника, или дверей, приборов, внутри машин, у половины их просто не было. Тем не менее, серьезных аварий я там не видел.

Бесшабашные кабульские таксисты боялись только наших, еще более безбашенных водителей. За рулем военных автомобилей как правило сидели двадцатилетние советские пацаны которым было западно уступать вообще кому-либо дорогу.

Из общественного транспорта по Кабулу ходили автобусы и троллейбусы. На подножках их дверей в любую погоду гроздьями висели афганцы, умудрявшиеся при этом весело переговариваться и махать прохожим руками. Частенько можно было видеть легковые машины, в багажнике которых сидели женщины и дети, или домашний скот. Но особенно поражали воображение так называемые «бурбухайки» – это большегрузные грузовые автомобили разных марок, обычно их кабины разукрашивали бахромой и фотографиями индийских артистов, кузова были разрисованные различными сюжетами и сурами из Корана. Грузили их по полной

программе, иногда высота груза достигала до пяти – семи метров, к тому же сверху груза умещалась еще куча всякого народа со своими манатками и мелким рогатым скотом.

Самым дешевым средством передвижения по Кабулу, конечно, были мототакси – это такой симбиоз мотороллера и разукрашенной открытой будки с сиденьем на двоих – троих человек. Приятно с ветерком промчаться по кабульским улицам, попивая холодное пиво и помахивая рукой проезжавшим мимо патрулям.

По прибытии в район Спинзар мы прошли мимо одноименной гостиницы и, перейдя по мостику через реку Кабул, углубились в торговые ряды. В отличие от «советского» района, где дукашки хорошо разговаривали по-русски, здесь его практически не знали, за исключением нескольких слов, поэтому пришлось объясняться на ломаном пушту. За неделю я выучил десятка два слов и счет, воспользовавшись военным словарем. Советские в тот район почти не заходят, рынок не нагружен нашими товарами, поэтому свой товар там мы сдали намного дороже.

Скажу честно, что первое впечатление было таково: вокруг одни бородатые душманы, все прохожие на тебя сурово смотрят, и вот-вот кто-нибудь из них достанет пистолет разрядит в тебя обойму патронов. Мы в своих джинсах, кроссовках и футболках выглядели среди остальных «белыми воронами», хотя афганская молодежь уже одевалась почти так же. Уже потом, попрактиковавшись с пацанами, я стал ездить в Кабул один или брать кого-нибудь, чтобы не было скучно. Не потому, что я такой крутой, просто на одного человека обращают гораздо меньше внимания, рассчитываешь только на себя и всегда легче затеряться в толпе при малейшей опасности. Патрули афганской армии – Царандой, или, как мы их называли «цырики», или «зеленые» – нас никогда не останавливали, или останавливали только для того, чтобы выклянчить пару сигарет. Основная их задача была наловить, как можно больше молодых афганцев и отправить их в армию, откуда большинство из них сразу же благополучно убежали, или в горные кишлаки к родственникам, или в банды к «духам».

Вскоре я привык, к Кабулу, одному мне было комфортнее и рассчитывать нужно было только на себя. Афганцы в целом очень дружелюбный и хороший народ. Я не боялся ходить один еще потому, что по натуре фаталист и за два года моих скитаний по Кабулу мне только один раз пришлось драпать от какого-то обкуренного «душары», который прицепился ко мне на рынке, сначала орал что-то, а потом, вытащив нож, стал им размахивать. У меня в кармане куртки был «Браунинг», который мне достался в результате одной операции, и я его мог бы завалить на раз, но неизвестно, чем это могло закончиться: вокруг собралась толпа человек в сорок, поэтому я резво рванул от него, заскочил в такси и свалил в другой район города.

По натуре афганцы – дружелюбный, отзывчивый народ, очень ценят внимание и дружбу. У меня в Кабуле было много хороших знакомых, в основном среди торговцев, и ни разу они меня не обманули ни в чем.

Но давайте вернемся в Спинзар, где мы, сдав товар, весело переговариваясь, шли через площадь «Пуштунистан» к единственному в Кабуле универмагу, где торговля велась по европейским стандартам, правда, цены на нем были на порядок выше. Рядом с ним располагался крытый рынок с маленькими дукашками, харчевней и бильярдом. Борик предложил зайти победать. Я по наивности спросил

– А не отравят?

На что Борик усмехнулся

– На хрен ты кому-то нужен, да и дукашник проверенный.

Мы зашли в небольшое помещение на 5—6 столиков. За одним из столиков сидели двое афганцев в чалмах и ничуть не удивившись нашему появлению, продолжали жевать макаю по очереди куски лепешки в тарелку с едой. Навстречу нам вышел хозяин, который, поздоровавшись с нами по – русски, предложил сесть за столик. Мальчишка, сын хозяина, сразу же принес стеклянный кувшин простой холодной воды и стаканы, затем спросил «Фанта? Спрай?»

Кола?» Мы заказали колу со льдом и три порции шашлыка. Все русские люди знают, что закуска без водки называется еда, поэтому Санек, развалившись, как у себя дома, сказал

– Давай обмывай первую ходку.

Он позвал мальчика и, взяв у меня тысячу афганей, послал того куда то. Через несколько минут мальчик принес три банки пива «Туборг» и бутылку какого-то коньяка. Это был коньяк «Нерон», его изготавливали по итальянской лицензии в Кабуле.

– С нашими коньяками не сравнишь, но попробовать надо, чтобы больше не хотелось, – сказал Борик разливая коньяк по стаканам.

Еще одним спиртным напитком, выпускаемым в Кабуле, – было сухое вино «Кастелино», так-же изготавливаемое по итальянской технологии.

Как я уже писал ранее, в любом дукане, торговавшем продуктами, кроме советской водки можно было купить шампанское, хороший грузинский, или армянский коньяк, а так-же фирменные джин и виски, правда, это уже стоило приличных денег. Как-то раз я даже попробовал спиртной напиток, который афганцы делают из кишмиша, наши его так и называли «кишмишовка» – гадость страшнейшая. В дальних полках, где не было водки, потихонечку гнали самогон. В общем, выбор был, русские люди славятся тем, что они сначала выпивают то, что хотят, а потом то, что могут достать.

Минут через десять каждому из нас принесли большую тарелку, в которой были порция шашлыка из барашка, картофель фри, салатик из помидоров и огурцов, и горький перец. Также подали свежие пряности, тонкий лаваш и каждому завернутые в салфетку вилку и нож, чему я сильно удивился, ведь афганцы в основном едят руками.

– Ну, давай, за тебя, братан – мы подняли рюмки за первый тост

– Пацан, ты нормальный, наш, не ссышь, как некоторые, значит, все будет хорошо.

Спиртные напитки в дуканах распивать было запрещено, но русским делалось исключение. Хозяин харчевни вставил в магнитофон кассету, которую он специально держал для русских, и зазвучал голос человека, которого все прошедшие «Афган» очень уважают – это Александр Розенбаум. Заправленные коньяком и полирнувшие все это «Туборгом», мы сидели в самом центре Кабула и тихо подпевали нашему любимому барду, «Гулять так, гулять...»

Расплатившись с хозяином, мы поймали такси заехали в дукан, взяли водки для пацанов и рванули в полк. Доехав до ЗРП (зенитно-ракетного полка), который стоял рядом с нашим, мы вышли, Борик пошел через КПП, а мы с Саньком чтобы не нарваться на командование, взяв все сумки, двинулись мимо старого афганского кладбища в обход полка со стороны гор. Пройдя немного, мы присели за сгоревшим БТРом, закурили и стали ждать сигнала. Борик пройдя нормально КПП, помахал, нам и уже через пятнадцать минут мы отмывались от афганской грязи в душе.

Несколько слов хочется сказать о наших соседях – зенитно-ракетном полке (ЗРП). Зачем он стоял в Афгане непонятно. Видно, какая-то умная голова в Министерстве обороны подстраховалась: а вдруг у «духов» самолеты появятся. Но самолеты так и не появились, на боевые задания полк не выходил, а энергию солдат и офицеров полка усмиряли непрерывными строевыми занятиями и политической учебой. В 1986 году ЗРП, наконец, вывели из Афгана вместе с тремя такими же полками по инициативе тогдашнего генсека Михаила Горбачева. Некоторые «герои Афгана», бьют себя копытом в грудь, рассказывая небылицы, про то как он один отражал нападение «духов» в Панджшере, хотя самым опасным его оружием была метла которой он изо дня в день подметал плац в ЗРП.

После обеда зашел Эдик Бельдин, он был непосредственным начальником нашей гражданской банды.

– Ленчик, я заберу у тебя со смены электрика, ты, ведь, и сам неплохо разбираешься в этом деле. А к тебе на дежурство поставлю одну мою девушку, она недавно в полк приехала.

Спорить с Эдиком было себе дороже. Во-первых, он был моим прямым начальником и частенько выгораживал нас из неприятных ситуаций и во-вторых, что же тут плохого, когда на дежурстве молодая женщина, глядишь – и мне чего обломится.

Увидев мои загоревшиеся глаза, Толик твердо сказал

– Даже и не думай, – телка моя!

Как я узнал позже, Толик поехал на пересылку, выбрал там симпатичную молодую женщину, «подогрел» начальника КЭЧ и привез ее в полк в качестве электрика. Такая практика была распространена в Афгане. Наше военное руководство выбирало еще на пересылке самых красивых девах, поэтому штаб армии был настоящим цветником. А далее они распределялись по Афгану в прямой пропорциональности в зависимости от привлекательности.

Женщины на войне – это отдельная глава. Время не только всех расставит по своим местам. А некоторых в эти места ещё и засунет.

Глава 4

«Чекистки», Клава, подрыв, запуск ракеты.

В Афганистан по контракту женщины ехали по разным причинам, кто заработать, кто найти мужа, а кто-то, чтобы убежать от дикого одиночества, и все они такие разные, молодые и в возрасте, красивые и не очень, были востребованы там. Как известно мужчина без женщины, это... это? Нет у меня таких слов, что бы это выразить. Десятки тысяч мужчин в Афгане каждый вечер засыпали с мыслью о женщине, половой вопрос стоял остро, во всех смыслах этого слова. Как выразался мой дружок балагур и циник прапорщик Лейкин «Как подумаю о Маринке, сердце сильно бьет в ширинке». Женщины Афгана – это песня, горькая, сладкая, веселая, печальная, но всегда манящая.

Есть такой анекдот:

«Змей Горыныч пришел к Бабе Яге. Смотрит, та вещи упаковывает. —

– Ты куда старая собралась?

– В Афганистан

– Кому ты там такая старая нужна?

– Это я здесь – Баба Яга, а там Василисой Прекрасной буду»

У нас в полку было около тридцати женщин от двадцати до сорока лет. Они работали официантками, уборщицами, машинистками, поварами. Но где есть женщина, там обязательно живут любовь, ненависть, дружба и другие чувства, так присущие нашему обществу. Женщина – в этом слове все, и любовь и коварство и секс. Мужчина, если бы и смог понять, что думает женщина, все равно не поверил бы. Женщина готова на всё ради любви, даже заниматься любовью. Мужчина готов на всё ради занятия любовью, даже любить.

Я не могу, да и не вправе обсуждать жизнь женщин, которые побывали в Афгане, потому что я очень хорошо знаю, сколько сил, слез и бессонных ночей отдавали раненым солдатам наши женщины-медработники в госпиталях, порой прямо на операции, отдающих свою кровь раненым. Сколькими болезнями заразились девчонки, ухаживающие за бойцами в кабульском инфекционном госпитале, а заразы там хватало всякой: тиф, гепатит, холера. Я не знаю, сколько судеб навсегда свел Афган вместе – это сотни историй. Все это было.

Но, наряду с этим, было и другое – почти легализованная проституция. Женщин, занимающихся этим, в полках называли «чекистки». Слово «чекистки» они получили не потому, что работали на КГБ, просто они за свои услуги брали «чеками». Многие из них также при торговывали водкой. Таких у нас в полку хватало, многие из них крутили романы не только с офицерами и прапорами, или с солдатами, но еще кое с кем, об этом вы узнаете чуть дальше.

Цена «афганской любви» варьировалась от сорока до пятидесяти чеков – практически цена бутылки водки, ни кто не гнушался брать подарками и трофеями. Многие из них продлевали сроки контракта с двух до трех лет, умудряясь к концу срока прихватить какого-нибудь молодого летеху, поженить на себе и потом, уехав домой, еще два года жить за его счет и каждый месяц «доить» его на бабки. Об этом не хочется говорить, но это тоже было.

Мы с женщинами жили, помогая, друг другу, поэтому особых разборок между нами не было. Так как они редко выезжали в Кабул, то иногда просили кое-что купить им там по мелочи, иногда просили привезти водки. Под словом «они» я имел ввиду всех женщин полка, потому что ни когда не делил их на хороших и плохих, каждый из нас выбирал свой крест. Правда, и среди них попадались такие стервы, что приходилось принимать срочные меры. Вот одна из таких историй.

В полк приехала новая кастелянша, звали ее Клава.

Прибыла она из какого-то зачуханного Мухосранска, была худой, понтовой и страшной, как смерть комиссара от рук белогвардейцев, но быстро спелась с зампотылом и Индюком и стучала сука на всех, как аппарат Морзе. До того она нас всех достала, что мы решили ее проучить. Долго ломали голову и никак не могли ничего придумать, ведь не стрелять же в нее.

Нам помог случай. Клавка подхватила дизентерию, которой переболел практически каждый третий в Афгане. С дизентерией никого в госпиталь не клали: просто давали таблетки. Дизентерия – штука коварная, если прижмет, можно было не добежать до сортира, а уж если присел, то встать невозможно, из тебя прут ниагары жидкости, кажется вот чуть-чуть и гланды вылетят из задницы. Главное в Афгане вовремя мыть руки с мылом и все будет нормально. Как говорили афганские врачи «Чище руки – тверже кал!».

Что такое афганский сортир в воинской части? Подобрать какое-то одно слово я не могу, но для тех, кто был в Афгане особая память. В лучшем случае, это железный контейнер, разделенный перегородкой на меньшее женское отделение и большее мужское, с проделанными в нем очками. Под ним – общая выгребная яма, которую периодически откачивают. Вонь страшная, но это еще не беда. Главная беда – это мириады мух, обитающих там. Они лезут в глаза, нос и рот, толстым слоем покрывают все ваше тело, причем они не слезают с вас пока их не собьешь. Обычно в сортир ходят со свернутой газетой или журналом. И если бы незнающий человек зашел в полковой сортир, то он увидел бы такую картину: сидящие на очагах с голыми задницами мужики, как сумасшедшие, машут газетами, отгоняя мух. Создается впечатление, что это какие-то диковинные военные камуфлированные вертолеты с голыми жопами, и они вот-вот взлетят. Так что процесс срачки в Афганистане был довольно трудоемким и требующим значительных физических усилий. Меня всегда радовали различные изречения, которыми были расписаны стены полковых сортиров. Ну, скажите, разве это не прелесть:

Сколько ты убьешь здесь мухов
Столько сдохнет в мире «духов»

А это?

Превратим мы наш сортир
В уголок борьбы за мир
Пусть от страха срут в штаны
Поджигатели войны

Или,

Пришел в сортир, но срать не стану,
Дайте мир Афганистану!

Врубаетесь? Тут чувствуется хорошая воспитательно – политическая работа полкового замполита.

Летом смрад в сортире стоял необычайный, побыл там пять минут и полдня от тебя несет, поэтому мы по возможности ходили по нужде в предгорья, взяв с собой палку, чтобы отгонять в процессе всякую гадость в виде скорпионов и змей.

Мы, а это я, Санек, Боря и Миха сидели в курилке возле модуля и лениво наблюдали, как с периодичностью в десять-пятнадцать минут Клавка со скоростью спринтера бегает в сортир, видно, подхватила дизентерию.

– У, сучара обосранная, взорвать ее что ли? – буркнул Миха.

– Пацаны, видели: вчера, она от Индюка выходила. Трахает он ее что ли?

– Кто же такую трахать будет, на нее даже у Индюка не встанет. Опять настучала, наверное, на кого – то.

И тут мою голову прорезала светлая мысль:

– Ее взрывать не надо, а вот говно в сортире подорвать можно.

При этих словах всем нам сразу пришло одно имя – «Партизан». Круче него эту работу не мог сделать никто. Не помню, как звали этого контрактника с Белоруссии, но у него была кликуха «Партизан». Целыми днями он шатался по полку с карманами, набитыми бикфордовым шнуром, запалами, трассирующими патронами и прочей взрывной ерундой. Уходя за территорию полка, ближе к горам, или на стрельбище, вечно что-то подрывал, в основном тренируясь на уже бесполезной, подорванной, валяющийся на свалке полковой технике. Видно его будоражили гены его дедушки белорусского партизана.

Вечером, позвав «Партизана», мы обсудили план теракта. Задача была непростая: заложить безоболочное взрывное устройство в сортире, а конкретно в говно, причем, рассчитать так, чтобы сила взрыва была небольшая, но сам взрыв был направленным.

«Партизан» загорелся

– Вот это работа, нужно только пару дней чтобы сделать предварительные взрывы.

– Ты давай только не тяни, пока у Клавы срачка эффект будет лучше, – сказал Миха.

От женского модуля до сортира было примерно метров сто. «Партизан» просчитал по секундам, примерно с какой скоростью движется Клава к сортиру, и принялся мастерить устройство. Опробовав первый вариант в луже с густой грязью за территорией полка, он внес коррективы, и взрывное устройство было закончено.

На следующий день мы сидели в курилке, а «Партизан» спрятался за сортиром. Через некоторое время из модуля выскочила Клава и быстрым шагом пошла в его сторону. Я поднял руку – это был сигнал. Партизан буквально на секунду скрылся за сортиром, а потом, обежав ангар и модуль, присоединился к нам. С момента, как Клава зашла в сортир, прошло секунд сорок. И тут нам вообще несказанно повезло. В нашу сторону двигался заместитель полка по тылу Василий Григорьевич Оберемченко, – это было нашим алиби. Не успел он подойти к нам, как в сортире раздался какой-то булькающий глухой звук, небольшой взрыв, вылетел рой мух, и с одной стороны выскочила с голой задницей, пытаясь надеть джинсы Клавдия, а с другой – также с голой задницей какой-то прапорюга. Причем, оба были забрызганы говном с ног до головы. Кое-как натянув джинсы, Клава, дико воя ринулась к себе в модуль. Прапор же с ошалевшими глазами и голой жопой стоял и не мог двинуться с места. Как мы хохотали, до кликов, до икоты. Зрелище было такое, что даже Василий Григорьевич ржал, держась за свой большой живот, приговаривая

– Ну, сучьи дети, что удумали, ну сучьи дети, ухохотали.

В общем, как в той поговорке: «Кто служил в армии – в цирке не смеется».

Эта весть разнеслась по полку мгновенно, причем, ее рассказывали в таких подробностях, каких и не было. Через час, нас по одному стали вызывать к Индюку. Но как он не усирался, у нас было алиби в лице зампотыла, а стукнуть на нас никто не мог: ведь мы только впятером знали об этом. С тех пор Клавдия стала тише воды, ниже травы, то ли она испугалась, что мы ее подорвем по-настоящему, то ли еще чего, но в сортир она больше не ходила. А так как жила в кладовой одна, справляла нужду в ведро, которое затем выносила. Вскоре она уехала в отпуск и, прервав контракт, в часть не вернулась.

Кстати, с «Партизаном» связана еще одна веселая история. Как я и писал выше Партизан просто шизел от всего, что взрывается, стреляет и горит. Как-то наш полк притащил с операции восемь «духовских» РСов (реактивных снарядов). Они валялись, где то на складе, откуда один из них Партизан потихоньку реквизирует. Искать его ни кто не стал, подумавшись невидаль какая РС, и это дело само собой замялось.

Примерно недельки через три «Партизан» позвал нас посмотреть на пуск РСа.

Мы, ведомые «Партизаном» вышли за пределы полка углубились в предгорья и примерно через пару километров вышли к предполагаемому пуску ракеты. Честно говоря, я не силен в модификациях этих ракет, но знаю, что они бывают зажигательные и осколочные, нам иногда доставалось от «духов», и такие штучки к нам в полк залетали. Осколочными и зажигательными РСы представляли собой снаряд, длиной метра полтора и диаметром сантиметров двадцать с приваренным к корпусу стабилизатором. В самом же корпусе насверлены куча дырок, из которых при падении бьют фонтаны огненного вещества, поджигая все вокруг. Вот одну – то из таких ракет и спер в полку Партизан. Вообще-то все эти ракеты наше изобретение, в смысле советских конструкторов, но клепают их в Китае и Египте, а потом разными путями доставляют в Афган. Говорили, что еще бывают и химические РСы, я, правда, ни разу не видел, но солдатиков периодически тренировали одевать противогазы. Своеобразно шутил по этому поводу любитель армейских афоризмов, незабвенный подполковник Оберемченко

– По, команде «газы» солдат должен одеть противогаз, снять штаны и громко перднуть!

Но давайте вернемся к пуску РСа. Партизан смастерил из двух досок направляющие для ракеты которые стояли на куче камней. Все это устройство было направлено в противоположную от полка сторону гор. От РСа тянулась пара проводов к какому то пусковому устройству собранному Партизаном.

– Ну что запускаем? – спросил он.

– Ты что, надо запускать красиво – вмешался в процесс Санек

– Вот ты как ракету назвал? И кому ты посвящаешь свой запуск?

– Не знаю, – пожал плечами Партизан.

– Ну, ладно, я тебе помогу, – взял инициативу в свои руки Санек. – Ты из какого города?

– Да я из села.

– Ну хорошо, а город есть рядом какой ни будь?

– Бобруйск.

– Значит так, назовем ракету «Бобруйск – 1», согласен?

– Ну давай, – кивнул головой Партизан.

– А кому посвящаем полет? Девушка у тебя есть?

– Есть, Света зовут.

– Ну, вот и хорошо. Итак господа, первый запуск белорусской беспилотной ракеты «Бобруйск – 1» посвященный девушке Светлане, объявляю открытым. Маэстро, ключ на старт!

Мы укрылись за небольшим валуном. Санек начал отчет: «девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, пуск...»

Партизан нажал на какой то переключатель, раздался взрыв, верхний камень, на который упирались доски скатился, доски наклонились, и ракета ушла в сторону.

– Е, мое, ну точно на штаб армии упадет, – с восторгом заорал Санек.

Куда она упала, было уже неважно, главное, что пуск был сделан, и это была вершина профессионализма Партизана. С тех пор мы его уважительно называли «наш Король».

Так что уважаемые товарищи белорусы вы можете гордиться: ваша страна стала пятой мировой державой, произведшей запуск беспилотной почти баллистической ракеты.

Глава 5

«Мерседес», дубленка, Валерка, залет.

Раз в месяц к нам в часть приезжал автобус «Мерседес», который контрактники заправляли солярой, а так же заполняли стоявших в нем пять двухсотлитровых бочек, таков был приказ командира полка. Кому он принадлежал, мы не знали, но он был с «хадовскими» номерами (ХАД – афганский КГБ). За рулем обычно сидел пожилой афганец, еле – еле говоривший по-русски. После заправки в автобус рассаживались все контрактники с полными сумками товара, и он вез нас до ближайших дуканов, где товар сдавался и закупались необходимые каждому товары, в том числе и водка. Раз в месяц это делали все, даже самые трусливые и ленивые, те, кто месяцами сидел в части и боялся высунуть оттуда нос. На все выделялось обычно не больше получаса, но народ успевал, и все организованно возвращались в часть.

Автобус – это было табу. Командир полка смотрел на это сквозь пальцы, а остальным было наплевать: каждый крутился в Афгане, как мог. И только раз Индюк из вредности пытался противостоять этому. В очередной раз мы, загрузившись в автобус, уже в уме подсчитывали свою выручку, но автобус вдруг остановили возле КПП. Водитель открыл дверь, и в нее вошел Индюк:

– Так, выметайтесь все! Никто никуда не едет!

Народ загудел

– Че за дела, майор. Ты что, нюх потерял? Командир разрешает.

– Я не разрешаю. Всем выйти из автобуса и вернуться в модуль!

Короче говоря: пьяный проспится, а дурак никогда. Чертыхаясь и матерясь, мы, как обосранные, поперлись назад. Народ, возмущаясь, собрался в комнате отдыха, где стоял бильярд и телевизор. Основной удар принял на зампотыл.

– Григорич что за беспредел? Иди, разбирайся с Индюком. Мы заправлять соляру больше не будем. Тонну солярки списывать как будем? На хрен это нам надо, не за хер в тюрьму садится.

Зампотыл ушел к командиру. Мы не знаем, о чем он там с ним разговаривал, только на следующий день автобус все-таки пришел и отвез всех нас в дуканы. С тех пор мы взяли за правило: сначала автобус отвозит нас в дуканы, а потом мы заправляем его солярой.

Кстати, если на торговлю водкой и сдачу мелкого товара командование смотрело сквозь пальцы, а самым тяжким наказанием была за это высылка назад, в Союз, то бензин и солярка – это было дело хоть и наварное, но подсудное, и срок за него давали реальный. Не обошло это и наш полк. Человек шесть, вместе с корешом Валька – Генной, (это тот чувак, который меня подвозил на кране в часть), за торговлю солярой влетели по крупным срокам, от четырех до восьми лет с выплатой компенсации. Прежде чем что то делать подумай о последствиях. Мы все – как карандаши: каждый рисует свою судьбу. Кто-то ломается, кто-то тупит, а кто-то затачивается и движется вперед.

Как-то ко мне в кубрик зашла одна «чекистка». Звали ее Ольга. Она «жила» с замполитом полка и потихоньку подрабатывала на сексуальном фронте:

– Леня, помоги, скоро в отпуск собираюсь, хочу дубленку купить.

– А в чем проблема? Вон в дуканах их полно. У меня времени на тебя нет.

Ольга приуныла.

– Да там говно самопальное все, хоть лисьи, хоть волчьи, с них вся шерсть лезет.

– А я то причем? Вон, у тебя женихов много, пусть и отвезут.

– Нет, я хочу итальянскую, ты же понимаешь, о чем я говорю?

Я, конечно, прекрасно понимал. Буквально на прошлой неделе я купил фирменную итальянскую дубленку жене, и все телки в полку пускали слюни, глядя на нее.

Нашел я это место случайно, мотаясь по Кабулу. В районе Майванда, нашел небольшой рынок, где торговали «Секонд хенд» с Запада. Наверняка, это все шло в виде спонсорской помощи Афгану, но все оседало на этом рынке. Вещи было почти что новые, и та итальянская дубленка, которую я купил жене, была потерта только на карманах, и после элементарной чистки стала как новая. В Союзе в то время такие дубленки шли на «ура» и стоили больше денег от 500 рублей и выше. Немного поломавшись, я согласился

– Только скажи замполиту, пусть машину даст. Оттуда мы сами доедем.

Узнав как-то, что я собираюсь на рынок, ко мне привязался Валерка – «Чуксей». Это был тихий нерешительный парень, который служил в котельной, он практически не выходил с территории полка. Я вообще поражаюсь, как и зачем он поехал в Афган.

– Слышь, братан, ну возьми с собой. Мне тоже скоро в отпуск, подарки хочу кое-какие купить и себе часы, такие, как у тебя.

– Да с автобусом поедешь, купишь – я имел в виду ХАДовский автобус.

– Ты лучше всех эти дела знаешь, где подешевле купить можно. Ну, возьми!

Не хочется хвалиться, но за те полгода, которые я уже провел в Афгане, Кабул я прорысачил вдоль и поперек. Где меня только не носило, даже один раз черт меня занес на «грязный базар», в подземный рынок. Правда, далеко углубляться туда не стал, но понятие имею. Представьте огромное почти неосвещенное подземелье, разгороженное дуками с различным бараклом, темнота, и только яркие пятна света падающих от карбидных ламп, вырывают из темноты угрюмые рожи дукашников. Глядя на меня дукашники не могли поверить своим глазам. Какой то сумасшедший шурави без охраны просто так шаландает по «грязному базару». Пройдя пару десятков метров, я понял, что меня здесь не любят, и даже не ждут, поэтому порыл обратно от греха подальше. Что же касается того, где и что купить задешево в Кабуле, я уже знал наизусть.

– Ладно, – сказал я Валерке, – поехали, только выполняй все, что я скажу, и от меня не отходи.

Прибежала Ольга и сказала, что в сторону «Теплого стана» (район в Кабуле, названный нашими солдатами по одноименному району в Москве) идет машина, и нас подкинет.

– Сказала замполиту, чтоб Индюк не возбухал, если что?

– Да все нормально.

Мы сели на КПП в кузов ГАЗ-66 и отправились в Кабул. Ольгу просто распирало желание побыстрее купить дубленку, однако, я прекрасно знал, что как только она зайдет на рынок, ее уже ничем оттуда не выгонишь. Поэтому строго сказал, что сначала купим подарки Валерке, а потом ей.

Напротив гостиницы «Спинзар» было несколько десятков дукашников, в которых торговали только часами. Мы между собой так и называли их – «часовой ряд». У меня там была пара знакомых афганцев, у которых я брал товар. Я выбрал Валере хорошие механические японские часы «Сейко 5» с автозаводом. У меня были такие же, только с циферблатом другого цвета. Их подарил мне мой земляк, сержант из разведроты.

А история этих часов такова. Полк был на боевом задании, и рассредоточился по горам, каждое подразделение выполняло свою задачу. Одно из отделений, которым командовал мой земляк, заняло позицию невдалеке от какого-то афганского кишлака. Вскоре к ним из кишлака отправилась делегация из старейшин, их было человек пять, или шесть. Подойдя к нашей позиции, они начали просить, чтобы солдаты не заходили в кишлак, потому что кишлак мирный. На что мой земляк, назовем его Артур, приказал через переводчика таджика выстроиться всем в шеренгу и вытянуть обе руки. Когда те в недоумении исполнили команду, он прошел и собственноручно снял у них все часы. После чего сказал, чтобы они уходили, красноречиво пока-

зав на ствол БТРа. Ходить по горам и искать командование части, чтобы пожаловаться, было чревато, поэтому бедные дехкане молча двинулись к себе в кишлак, радуясь в душе, что еще легко отделались.

Хочется сказать, что часы и оружие – основная гордость афганского мужчины, и, как правило, уважаемые и богатые люди носят фирменные японские, или швейцарские часы. Лучшие из этих часов Артур подарил мне. Это только один из тех случаев, которые вытворяли наши солдатики в Афгане, но про все я, конечно, рассказывать не буду, дабы не терять лица советского солдата.

Но давайте вернемся к нашим героям в Кабул. Купив Валерке часы, мы отправились по дуканам, чтобы прикупить всякой мелочевки на сувениры его близким и друзьям. В одном из дуканов, в котором торговал молодой афганец, Али, лет двадцати пяти, мы задержались. Этого парня я знал по совместным торговым делам уже несколько месяцев, он неплохо говорил по-русски, и дело у него шло хорошо. Али так плотоядно смотрел на Ольгу, что та аж засмушалась, хотя прошла и Крым и Рим.

Я в шутку спросил у него:

– Хуб ханум? (хорошая женщина)

– Хуб!

– Хочешь ее трахнуть? – я показал руками соответствующее движение – он кивнул

– Тогда пайса давай.

– Сколько? – он не поверил своему счастью.

Я, чуть подумав, сказал:

– Три тысячи (сто чеков).

– Давай, – он аж затрясся от предвкушения.

– Ты что офигел, дурак? Трахайся с ним сам, – заорала на меня Ольга.

Если вначале это и было шуткой, то теперь во мне проснулся азарт, появилась возможность «подкузьмить» нашему замполиту полка, который периодически долбал нас политинформацией и партсобраниями. Тем более я в своей жизни всегда придерживался поговорки – «Нет женщин, которые не дают, есть мужики, которые плохо просят». Если не можешь изменить ситуацию – измени своё отношение к ней. Еж птица гордая – не пнешь не полетит.

– Пойдем-ка, выйдем, – сказал я ей.

Я взял Ольгу под ручку и вывел из дукана. Сделав участливую рожу я начал ее обработку.

– Слушай, ты что теряешь? Тебя твой политрук за бесплатно трахает, а тут пять минут – и дубленка бесплатно, и удовольствие получишь.

При словах «дубленка», и «бесплатно» у Ольги загорелись глаза, блядская натура брала свое. Я уже вошел в раж, мне, как спортсмену, нужна была только победа:

– Ты хорошо подумай, мы уже не вернемся.

Она для понта помялась, но, судя по горящим глазам, созрела.

– А вдруг он меня убьет? – спросила она.

– Членом что ли? Да кому ты нужна? Ты думаешь, ты первая «чекистка», которую он трахает за деньги? Тем более я в дукане постою, на атасе.

Ольга задумалась:

– Только поклянись, что никому не скажешь.

– Клянусь Бабраком Кармалем и Апрельской революцией!

– По настоящему!

Я разозлился.

– Тебе дубленка нужна? Пять минут разврата и вечером ты ходишь в дубленке, десять секунд на размышление. Время пошло!

Ольга задумалась, она представила как дефилирует по женскому модулю в итальянской дубленке, выдохнула и кивнула головой. Страх и жадность, жадность и страх, всегда вместе,

одно с другим, неконтролируемое желание получить, что то на халяву, но порой человека останавливает страх. Ольга победила свой страх и мужественно вошла в двери дукана. Весь ее вид говорил – ну вот и я типа Жанна д Арк. Не помню рожи этой Жанны, но Ольга была хоть и порядочная сука, но очень красивая с прекрасной фигурой. В этот момент даже мне ее захотелось.

Валерку, который торговался в соседнем дукане, я в это дело посвящать не стал, просто сказал, чтобы он стоял на улице возле дверей и никого не пускал, потому, что у нас важные переговоры.

Уезжая из части, я попросил Ольгу надеть джинсы и блузку с длинным рукавом, потому что бродить по Кабулу с дамой, у которой вываливается из блузки грудь, а задница в мини-юбке – себе дороже, обеспечен полный аншлаг. Все мужское население Кабула, пуская слюни и чуть не кончая, раздевает ее глазами, у них даже от взгляда на обнаженную шею встает. А мне такая реклама не нужна.

В общем, оставив Валерку у дверей дукана, я вошел с Ольгой внутрь.

– Только с фирменным презервативом, и бабки пусть сразу дает.

Дуканщик не верил своему счастью.

– Пайса (деньги) давай.

Дрожащими руками Али отсчитал мне три тысячи афганей.

– Ну что, иди работай, да смотри, не осрами Родину, – ухмыльнулся я.

Он завел ее за занавеску, которая отделяла прилавок от подсобного помещения, и началось. Словно лев, в пустыне напавший на лань, Али рычал и стонал от сладострастия, минуты через три начала постанывать и Ольга. От их телодвижений занавеска колыхалась, как от ветра. Стоны становились все громче и громче, я сидел на низком стульчике и, покуривая сигаретку с чарзом, ухмылялся сам себе, представляя рожу нашего замполита, если бы он все это видел.

Носом к стеклу дукана прильнул Валерка, пытаясь разглядеть, что там происходит, я хотел ему сказать – «ты очень кстати, у нас тут разврат», но подошел к двери и знаком показал, что все нормально.

Наконец, минут через десять, все прекратилось, и из занавески вышла Ольга, за ней с включенными волосами и безумными глазами совершенно мокрый молодой дукандор.

Мы шли по улице и тихо переговаривались с Ольгой.

– Ну, как клиент?

– Да злобучий какой-то. Два раза кончил, не вынимая, хорошо, что презерватив оказался фирменный, немецкий, выдержал.

– Молодец, не осрамила Родину. Я бы тебе орден «Дружбы народов» вручил за укрепление связей между советским и афганским народами.

Каждый человек имеет право налево. Ольга как будто бы ни чего и не произошло шла рядом разглядывая витрины дуканов. Весь вид ее говорил: если вы уронили достоинство сделайте вид, что оно не ваше. Я смотрел не нее и думал – сколько же времени и сил должен потратить мужчина, чтобы воспользоваться минутной слабостью женщины.

В Афгане у местных мужиков с половым вопросом дела обстоят худо. Пока не женишься, хрен кому вдуешь. Правда, там была парочка закрытых публичных домов, которые мне показали знакомые афганцы, в один из них мы как-то по-пьяни с Саньком пытались зайти, но туда нас не пустили два здоровых афганских бугая, на всякий случай показав торчащие за поясами огромные ножи. Все мои желания тут же улетучились, хотя Санек еще, что-то пытался объяснить, показывая деньги.

– Пойдем, мудака, – сказал я ему. – А то тебя самого сейчас в задницу оттрахают, забесплатно. Как говаривал командир танковой роты: «куда ствол смотрит, туда и башня едет»

Чтобы жениться простому афганцу нужно заплатить приличный калым, а это сделать может не каждый. Так что пока не женишься дрови на фото индийских актрис.

Не знаю, правда или нет, но, как мне говорили, в Кабуле существовала «горка невест» – такой своеобразный рынок, куда приходили женихи, которые не могли заплатить калым за невесту, туда же приводили невест, которых по тем или иным причинам не смогли отдать замуж. Родители договаривались между собой, и тут же можно было с помощью муллы заключить брак.

От отсутствия бесперебойной сексуальной жизни нередко были среди бедных афганцев и «голубые» отношения, ну сами представьте: мужику уже за тридцать, член встает даже на осликов, а вдуть некому, вот и пользуются потихоньку друг дружку. Развращает не секс, а его отсутствие. Как говорится в народной поговорке русских геев – «Лучшее влагилице, это очко товарища». И небольшая ремарочка: с каждым годом российский телевизионный новогодний «голубой огонёк» начинает всё больше соответствовать названию.

Кстати в Афганистане распространён уже много лет вид сексуального рабства и детской проституции, вовлекающий мальчиков в исполнение эротических танцев в женском образе перед клиентами, которые могут также «купить» исполнителя для сексуального удовлетворения. Их называют «бача-бази» – танцующие мальчики. В Афганистане бизнес по продаже «бача-бази» процветал даже при так называемом «социализме», многие богатые мужчины держали «бача-бази» как показатель достояния и статуса. Эта практика незаконна и официально не существует, хотя в реальности широко распространена; многие заказчики – военные полевые командиры, чиновники, а так же полицейские зачастую являются соучастниками. Всем понятно что эти мальчики не только танцуют в женской одежде.

Пока мы шли, переговариваясь с Ольгой, у Валерки то ли от волнения, то ли от страха заболел живот, и ему жутко захотелось в туалет.

– Ну, ты, братан, даешь, – я начал вспоминать, куда же его можно отвести.

– Вспомнил! Тут недалеко стоит афганская воинская часть и возле КПП такой же сортир-контейнер, как у нас в части.

Мне самому пришлось, как – то там срать, сидя с полной сумкой барахла в руках, между несколькими бородатыми душманами в чалмах, удовольствие не из приятных. На очке сидят в ряд пять душманов и ты между ними и они с удивлением смотрят на тебя, чем же ты серешь шурави? А может ты засланный казачек и хочешь выведать страшную душманскую тайну? Тогда я героически отосрался и с высоко поднятой головой вышел из сортира. Типа врешь – не возьмешь! Вот что значит вырос в советском бараке, а там и не такое видали. Что поделаешь, лучше быть убитым, чем обосранным, хотя кому как.

Мы присели с Ольгой на лавочке, недалеко от этой части, я основываясь на предыдущем опыте показал Валерке сортир и сказал:

– Расталкивай всех и сразу заходи, никакой очереди не жди.

Сортиров в Кабуле было мало и возле этого сортира всегда толпились простые афганцы, норовя посрать на халяву, и как только освобождалось место, кто-нибудь из них тут же влетал в сортир. Прошло минут десять, Валерки не было, пятнадцать, ... нет. Я встал и пошел к сортиру, чтобы разобраться, в чем проблемы. Навстречу шел счастливый Валерик.

Как я и предполагал у сортира толпилось человек десять афганцев, которые тут же вбежали в него, как освобождалось место. Валерка, мужик по своей натуре застенчивый и трусоватый, пытался занять очередь, (представляете?), а пролезть через толпу боялся и чуть не обосрался, т.е. «лучше живая очередь, чем очередь из автомата». Хорошо, что рядом проходил афганский офицер, увидел, что среди толпы стоит обсирающийся шурави, подошел, разогнал их и втолкнул его в сортир.

Сидя на очке между двумя бородатыми «духами» в чалмах Валерка старался смотреть только перед собой, от ужаса боясь повернуть голову, а, закончив, пулей вылетел оттуда, даже

не вытерев задницы. Я думаю, эта история запомнилась ему на всю жизнь, потому что это был его самый героический поступок в Афганистане. Но лучше героически пукнуть, чем предательски бзднуть.

А в следующую свою поездку я случайно наткнулся на платный сортир, вполне цивилизованный, расположенный в небольшом парке на Майванде, буквально в двухстах метрах от того сральника куда ходил Валерка. Стоимость посещения была 5 афганей, для сравнения скажу, что хлебная лепешка стоила в то время 5—6 афганей. Для простого афганца это большие деньги и бедные афганцы обычно опорожняются там, где припекло иногда стоя прямо на улице.

Кстати, иногда бывая в афганских сортирах расположенных на рынках, я обращал внимание на то, что возле каждого очка была горка с сухой размельченной глиной. Потом мне необразованному объяснили, что этой глиной афганцы вытирают задницу. Восток – дело тонкое! Не знаю насколько это правда, но пробовать я не стал.

Еще целый час мы бродили по рынку «Секонд хенд», где на заработанные тяжким трудом деньги Ольга, наконец, сторговала себе неплохую итальянскую дубленку, покрутив задницей перед продавцом и попутно прихватила «на бакшиш» (в подарок) кофточку. Вот проныра. Подарите ей весь мир, и она потребует еще и оберточную бумагу.

Наконец-то сев на такси, мы отправились в часть. Не доезжая сто метров до части вышли, я отправил Ольгу и Валерку вперед, а сам с сумкой, в которой было пять бутылок «Столичной» водки купленной по просьбе пацанов, остался ждать сигнала. Через некоторое время из КПП вышел Валерик и махнул мне рукой. Я спокойно подошел к КПП открыл дверь и увидел ехидную морду улыбающегося Индюка.

– Нуте-с, молодой человек, где вы были-с?

– В штабе армии.

– А что Вы там делали-с?

– В гости к другу ездил.

– А разрешеньеце кто Вам давал-с? – Индюк явно наслаждался моим залетом.

– Полковник Оберемченко – сказал я.

– А что у Вас в сумочке?

– Водка, друг на день рождения подарил.

– А Вы знаете, что у нас в части «сухой закон»?

– Знаю.

– Так вот, уважаемый, Вашу водочку я конфискую и доложу вашему начальнику. Идите!

Еще одно нарушение и Вам уже не удастся оттянуть свой конец.

Возле КПП стоял, переминаясь с ноги на ногу, Валерка:

– Ленчик, ты меня извини, он меня заставил

– Да ладно, что с тебя взять, недоделанный.

Замполит сказал Индюку, что он послал Ольгу со мной в Кабул за покупками. Индюк точно знал, что без водки я не вернусь и продежурил на КПП почти три часа, чтобы меня подловить. Ольгу он пропустил сразу, проверив Валеркину сумку и убедившись, что кроме вещей и сувениров ничего не везет, спросил, где я. Валерка испугался и сказал, что я стою в ста метрах от КПП.

– С водкой?

– Да.

– Иди, махай!

И этот мудака пошел и махнул мне. Вот я и помог убогому Валерке-обсиру купить подарки. Не спешите вытаскивать людей из говна, может это их естественная среда обитания!

Пацаны, которые лишились своей водки, разобравшись в ситуации, тут же выписали «Чуксею» мандюлей, а я, помывшись в душе, пошел в женский модуль.

Ольга в кофточке и дубленке, несмотря на почти сорокаградусную жару, дефилировала по всем комнатам демонстрируя покупку, причем, безбожно врала о цене, по которой якобы ее купила. Наши тетки начали меня доставать, многозначительно намекая на безмерную благодарность, и я клятвенно пообещал, что у всех будут точно такие же, но позже.

– Иди сюда, – позвал я Ольгу, – ты должна пацанам сто чеков по себестоимости водки. Поняла? Ее твой политрук с Индюком, наверное, уже жрут.

– А я тут причем?

– Ты говорила, что твой замполит с Индюком договорился? Я теперь понимаю, на что они козлы договорились. Короче, я вечером дежурю – принесешь сто чеков и отработаешь передком по полной программе. Поняла? И не выживайся, а то весь полк будет знать, на какие бабки ты дубленку купила.

Отдавать такие деньги Ольга ни за что бы ни стала, поэтому вечером пришла ко мне, и отдала долги натурой, обещав покрыть остальные в рассрочку, но тоже натурой. Конечно еще та была жучка, но уж очень красивая, поэтому предложение в рассрочку я принял к рассмотрению, не пропадать же деньгам. С не менее колоритными полковыми девушками вы познакомитесь в следующих главах этой книги.

Глава 6

Афганский Клондайк, Петрович, замороженный член.

В этой книге, я не буду касаться срочной службы в Афгане. Сотни тысяч советских офицеров, солдат и прапорщиков, не щадя своего здоровья и жизни выполняли боевые задания исполняя свой интернациональный долг в Афганистане. Тысячи героев погибли, десятки тысяч стали инвалидами. Так получилось, что вместе с ними в Афгане бок о бок служили тысячи гражданских контрактников.

По контракту, или как их еще называли в войсках «гражданские», в Афган приезжали разные люди: неисправимые романтики, авантюристы, патриоты, сумасшедшие, но почти все попав туда думали только об одном, как заработать побольше чеков. Возможностей для этого было много, но пути для достижения у каждого были свои, кто-то зарабатывал торговлей, кто-то криминалом, а кто-то кидаловом.

Один мужичек, просидев целый год не высывая нос из полка, занял перед отпуском около трех тысяч чеков, но в Союзе разорвал контракт и назад не вернулся. А вскоре его жена прислала фотографию: лежит бедный в гробике, умер от инсульта. Ну, пацаны, у которых он чеки занимал, погоревали немного все-таки сумма порядочная, и забыли. А месяца через два один его земляк поехал в отпуск и решил заехать к вдове выразить соболезнование. Звонит, а дверь ему открывает «покойничек», увидел его, и бежать в ванну, закрылся там сука и орет: – Не убивайте – все деньги отдам.

Пацаны у нас крутые были, по приезду домой хорошо потрясли этого «жмурика», деньги конечно забрали, а взамен оставили инвалидность.

Многие из тех, кто прочувствовал в Афгане запах шальных денег, впоследствии ушли или в бизнес, или в криминал, многие там и полегли. Но не в деньгах счастье, а в любви. Простой, обычной, человеческой любви к деньгам. Люди не хотят быть богатыми, люди хотят быть богаче других.

Но давайте вернемся в Афган середины восьмидесятых. Это был своеобразный «Клондайк». Я не хочу писать о тех боевых действиях, которые велись там, да и не вправе, это прерогатива военачальников, просто хотелось бы познакомить вас с нашей тыловой жизнью, хотя линии фронта как таковой там и не могло быть. В любое время тебя мог подстрелить снайпер, могли обстрелять из миномета, или ты мог подорваться на mine, умереть от холеры или от наркоты, вариантов хватало.

В Афганистане практически не добывалось никаких своих природных ископаемых, ресурсов, практически не было древесины, поэтому там котировалось все. Советские солдаты, офицеры и прапорщики продавали афганцам все, что можно: соляру, бензин, аккумуляторы, колеса, а кое – кто и оружие. Военные следователи работали с полной нагрузкой, и многие из Афгана прямиком попадали на советские зоны. Кто мне скажет, что этого не было – плюну в рожу! Как то один козломон который просидев полтора года в полковой прачечной, стирая солдатские кальсоны в Афгане, доказывал мне что ничего такого не было, и что это все я придумываю. Типа он такой правильный весь и мыло налево не продавал. Сейчас этот «герой» навешав на грудь фальшивых медалек, рассказывает в школах как он «сражался с «духами» в горах. Спроси его про службу и больше минуты он даже придумав не сможет ни чего рассказать о Афгане. Да ладно, хрен ему во все рыло, а кто не согласен тому тоже по хрену в рыло. На этой прекрасной ноте я продолжу свое повествование.

Цветной металл и доски тоже шли «на ура», дрова на Кабульских рынках продавались на вес, поэтому многие и здесь нашли свой бизнес. Я знал одного водителя мусоровозки который без всякого криминала заработал за два года примерно 20—25 тысяч чеков, что по тем

временам было равно примерно 50 тысячам рублей или стоимости восьми «Жигулей» шестой модели. Для примера – врач тогда в Советском Союзе получал 130 рублей в месяц, и, чтобы купить «Жигули», ему пришлось бы собирать свою зарплату шесть лет, а ту сумму которую заработал за два года водитель мусоровозки – за пятьдесят лет. Это были шальные деньги, поэтому у многих они как приходили так и уходили.

Кстати, тот водитель честно делал свою работу. Приезжал на свалку, где его уже поджидали афганцы, в основном молодежь, но выбрасывать мусор не спешил. Подъехав, вступал с ними в переговоры: или они оплачивают весь мусор оптом, или, он обливает его бензином и сжигает. В сопровождение он всегда брал двух вооруженных солдат, поэтому отбить мусор афганцы не пытались. Обычно они всегда соглашались на второй вариант. Цена мусора варьировалась по-разному от 200 до 1000 афганей за машину, все зависело от того, какой вид мусора преобладает в кузове, в Афгане все шло в дело. Металл там плавил дедовским способом. Возле кишлаков стояли огромные конусообразные глиняные печи, туда закладывались вязанки дров и куски металла, поджигали, он плавился и стекал по желобу, а потом из него ковали, что нужно.

Был другой вариант заработка – так называемые военторговские автолавки. По идее эти автолавки должны были обслуживать наших солдатиков, которые стояли на блокпостах развоза бакалею и другие нужные вещи, но на практике все делалось по-другому. Водитель машины, он же экспедитор, просто заезжал в любой дуكان и продавал весь товар афганцам по завышенным ценам, деньги сдавал в кассу, а разницу клал в карман. Конечно, и это все пресекалось, но тем не менее было и это. Но, все эти мелкие торговые операции были просто детским лепетом по сравнению с масштабами продажи афганцам военной техники, продуктов и вещей со складов ТЗБ (торгово – закупочной базы), но это уже другие истории, с которыми при желании вы сможете ознакомиться в архивах военной прокуратуры.

Как я уже писал ранее, все же большая часть контрабандников занималась торговлей по мелочи. Как яркий пример – Петрович, который жил в нашем кубрике. Ему было уже за сорок, и мы называли его «Дед». Бывший моряк торгморфлота, сухошавый, подтянутый, свое утро он начинал с пробежки в три – четыре километра до ближайшего дукана, где сдавал товар приготовленный с вечера. На обратном пути, он оббегал магазины нескольких соседних полков, где опять набивал сумку продуктами и сигаретами. Как и мы, он ни черта не боялся и всегда ходил один. Ни плохая погода, ни обстрелы не могли повлиять на его ежедневное расписание. Вечером, когда мы все расслаблялись, играя в карты, на бильярде, или просто бухали, он сидел за столом и аккуратным почерком заносил свои доходы и расходы в блокнот. Затем, приняв душ, ложился на кровать и замирал, глядя в потолок.

В отличие от нас, еще молодых разгильдяев, вырвавшихся за рубеж и кайфующих от импортных шмоток и разгульной жизни, он вел аскетический образ жизни, не пил, не курил, с девками не куролесил. В свое время, будучи мореманом, он побывал во многих странах мира и свою чашу, как он любил выражаться, уже выпил. Раньше он никогда не имел ни семьи, ни квартиры и перед самым Афганом, взяв в жены какую-то молодуху с ребенком, мечтал, вернувшись домой купить трехкомнатную кооперативную квартиру и машину. Поэтому экономил на всем, пахал, как слон, и держался от нас особняком. Любимой его поговоркой было «Лишь орлы летают одиноко, а бараны пасутся стадами». На что мы ему отвечали

– Ты, конечно, Петрович орел, но на курьих ножках.

Мы его частенько подкалывали, особенно зная слабую струну Петровича, это любил делать Санек.

– Что, Петрович, о своей молодой жене мечтаешь? А она о тебе, наверное, забыла уже. На хрен ты ей, старый, нужен, там столько кобелей молодых!

Петрович начинал тяжело дышать...

– Ну, ты прикинь, «Дед», ты ей прошлый раз такой джинсовый сарафан передал, кофточки всякие, джинсики, трусики «неделька». Она вообще как куколка там ходит, тут не захочешь, а «заклеешь» с такими трусиками.

Лицо Петровича становилось багровым.

– Ну... ты... балаболка, хорош бакланить.

Санек, довольный, что допек Петровича в очередной раз, успокаивался.

– Да ладно тебе, Дед, давай лучше отожмем граммов по двести или хочешь я тебе Вальку приведу, она тебя бесплатно отменит.

Это тоже был подкол, Санек прекрасно знал, что Дед не пил и с полковыми девками не общался. Правда, один раз я его видел в стельку пьяным. А напился он от обиды.

Перед Новым годом он решил сделать небольшие подарочки афганским детям. Так сказать, прочувствовать себя Санта Клаусом. Прикупив в нашем магазине конфет, он дошел до ближайшего афганского поселения, где стал раздавать конфеты всем детям, которые там были. Это была его роковая ошибка. Он не учел, что у афганцев по отношению к «шурави» (советским) нет такого слова «бесплатно».

Буквально через несколько минут возле него собралось почти все взрослое население кишлака, которое, требовало еще и еще конфет. Причем делалось все это в угрожающей форме. Спасло Петровича то, что мимо проезжал наш патруль. Его с огромным трудом отбили у афганцев.

Так вот, хорошо перетрусив, по прибытии в часть он взял у нас две бутылки водки и «сам на сам в одно рыло» их выжрал без закуски, наливая себе стакан за стаканом и глотая слезы, от жгучей обиды повторяя:

– Я для них... а они, суки..., «духи» гребаные.

Затем он уснул за столом, выкрикивая во сне какие-то ругательства.

С ним случалось много прикольных историй. Но после одной к нему надолго прилипла кличка «Дипломат». Однажды вечером к нам зашел молодой лейтенант, который прибыл в полк не так давно.

А где ваш Дед? – спросил он.

– Да, где-то по полку болтается, зачем он тебе?

– Он мне бутылку водки должен.

– С какой радости?

Тут летеха нам рассказал историю, над которой мы долго ржали.

Петрович рванул в Кабул, продал сумку сигарет и решил, что-то прикупить для своей молодой женушки. Но так как он поехал туда как всегда без разрешения, то решил одеться, как одеваются советники и работники посольств и торгпредств, которые отовариваются в дуканах в районе Шахри – Нау и военные патрули их не проверяют. Надел пиджак, белую рубашку, галстук, шляпу, в руках – портфель «дипломат», в который он упаковал уже пустую сумку. В общем, вот таким важным гусем Дед и ходил по дуканам. На его беду в этом районе стоял в патруле с двумя солдатами молодой летеха, который по своей неопытности мало разобрался, кто есть кто. Тут на него и вырулил наш Петрович.

– Ваши документы?

Петрович – рыба хитрая, сориентировался мгновенно.

– Вас? Нихт ферштейн! Их диплёмат.

Летеха растерялся, не будешь, ведь, нарываться на международный скандал. Взяв под козырек и пробормотав «извините», он даже вспомнил, что в школе учил немецкий:

– Битте!

Петрович, торжествуя в душе, что обдурил лоха, не спеша, двинулся дальше. Однако, его уже через двадцать метров догнал с двумя солдатами все тот же летеха.

– Стой, стрелять буду!!!

Петрович пытался что-то опять задвинуть по-немецки. Однако те быстро его обыскали и нашли советское удостоверение. А прокололся Дед только из-за того, что до летехи поздним зажиганием дошло, что «немецкий дипломат» был одет в наши армейские ботинки. В удостоверении же было ясно было написано, из какой части Петрович, летеха был тоже из нашей части, чему дед несказанно обрадовался и пообещал тому за свободу бутылку водки, так довольные друг другом они разошлись. После летехинога рассказа за Петровичем прочно закрепилась кличка «Дипломат».

Болтаясь по Кабулу, нам не раз приходилось бегать от своих же патрулей, потому что часть мы покидали без разрешения. Стрелять в городе патрулям было запрещено, а бегать за нами было просто бесполезно. Если это был патруль из какого-нибудь кабульского полка, то им было, в основном, наплевать, кто ты, и чем занимаешься, они проворачивали свои делишки сдавая в дуканы тушенку, сигареты, или другие товары. А вот с комендантскими патрулями была проблема, те обычно прятались где-нибудь, а потом «раз – и в дамки». И если у тебя не было увольнительной, то комендант мог своей властью посадить на «губу» на пару дней, что было очень нежелательно. Пара – тройка таких залетов и возвращение в Союз обеспечено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.